

Ю. ДАВЫДОВ

ВОЖНЫЙ КРЕСТ

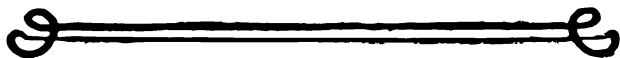
**ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ**

Путешествия Приключения Фантастика

Ю. ДАВЫДОВ

ЮЖНЫЙ КРЕСТ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Москва 1957

АННОТАЦИЯ

Герой этой маленькой повести — капитан Коцебу, моряк романтической эпохи парусных кораблей. Лучшие годы его жизни были полны опасностей, приключений и открытий.

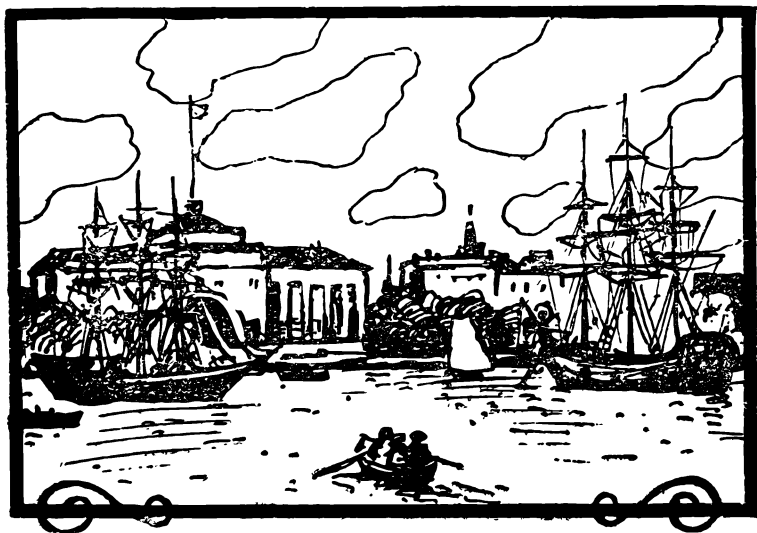
Кругосветные плавания прославили его среди моряков России и Англии, Голландии и Франции, Дании и Швеции.

Спустя много лет после кончины Коцебу в Петербурге, на Балтийском заводе строили крейсер. Крейсер назвали «Рюрик» — в память парусника Отто Коцебу. Наш знаменитый соотечественник С. О. Макаров писал что «хотя современный крейсер и превосходит в 60 раз во всех отношениях корабль бессмертного Коцебу, мы не можем рассчитывать, чтобы он во столько же раз больше привез научных исследований. ...Надо радоваться, если каждый капитан привезет даже в 60 раз меньше, чем Коцебу».

Художник А. Ф. ТАРАН

Scan AAW

Как хорошо жить, когда стоишь на
носу корабля!..

Роллан.

ЗАМЫСЕЛ

Есть особое очарование в тишине архивной залы. Неторопливо перелистываешь пожелтевшие рукописи, и шорох их, как ночной шепот осенних деревьев, чудится отзвуком времен минувших...

В одном из архивов довелось мне читать старинный манускрипт. Документ был без подписи и представлял очень обстоятельную смету дорогостоящего путешествия. Только за корабль требовалось выложить пятьдесят тысяч рублей да жалования командиру две, а лейтенанту одну тысячу серебром.

Однако безымянный автор, составивший этот перечень расходов, смотрел на будущую экспедицию отнюдь не как на прибыльное, наживное дело. «Не деньги, а слава,— подчеркивал он,— может служить побуждением участвовать в таком знаменитом вояже».

Рукопись эта, верно, осталась бы для меня просто поблекшей, как бабушкины кружева, бумагой, если бы архивисты — рачительные хозяева настоящих сокровищ — не сберегли вместе с нею иные документы.

И вот они тоже передо мной в тихой зале с высокой железной дверью. Один из них озаглавлен: «Начертание путешествия для открытий, сочиненное флота капитаном Крузенштерном». О, это уже солидная, большого размера тетрадь в твердом переплете...

* *
*

Крузенштерн! Иван Федорович Крузенштерн, мореход, даровитый ученый, наш первый кругосветный плаватель. О чем же он размышляет, то похаживая по комнате, то останавливаясь у конторки, то устремляя взгляд серых, несколько навывкате глаз в окно? А за окном рыжие крыши Васильевского острова, в неярком небе августа сонный наплыв облаков, полет стрижей.

Как будто бы все: «Начертание» закончено.

— Ну-с, ладно,— вслух произносит Крузенштерн и кличет денщика.

Денщик, уса́тый матрос, ходивший с Иваном Федоровичем вокруг света, захватив сверток, направляется в Адмиралтейство к переписчику.

Сердитый одутловатый писарь, собравшийся было к куме, без особой радости встречает денщика. Однако делать нечего, писарь берет гусиное перо. Пишет он быстро, округло, лист за листом.

Он пишет, что вот уже несколько десятилетий моряки и географы и не пытаются возобновить давнишний поиск пути из Атлантики в Тихий океан вдоль северных берегов Америки, что Кук и Клерк предприняли последнее покушение в этом смысле. «Положим,— строчит писарь,— что в сем путешествии не отыщется желаемого соединения между сими двумя морями, однако ж и тогда, без сомнения, чрез сие будет доставлено много и притом немаловажных выгод для наук, а особливо для мореплавания».

Исписав страницу, он присыпает ее песочком и, вздохнув, берется за следующую. На бумагу ложатся ровные отчетливые строчки и о пользе «двукратного через все Южное море переплытия корабля в разных совсем направ-

лениях», и о занятиях путешественников «натуральной историей», и о том, что судно должно быть тонн в 180 и не более того, обшитое медью, а ежели не обшитое, то густо-нагусто вымазанное угольной смолой, и о многочисленных обязанностях капитана, и о матросах, каковые одновременно могли бы «отправлять должности» плотника, парусника, кузнеца, артиллериста...

Писарь засиделся допоздна, и кума надулась. Зато Крузенштерн остался доволен.

На следующий день, зажав под мышкой сафьяновую папку, Иван Федорович шагал к Неве. Утро было погложее, веселое.

Вот и Нева. Она искрится под солнцем, свежий ветер рябит ее. На той стороне реки в ряду каменных домов Английской набережной Крузенштерн видит барский особняк с четырехколонным портиком. Крузенштерн улыбается: сейчас! сейчас он пересечет Неву (вон и свободный ялик), войдет в просторные сени, старик-швейцар отвесит низкий поклон, справится о здоровье господина капитана... сейчас он пересечет Неву и покажет Николаю Петровичу документы из сафьяновой папки.

Крузенштерн привалился к заспинной доске ялика. Яличник, подстриженный в кружок, в широкой холщевой рубаше распояской, по-рыбацки налег на весла. «Экий денек,— с удовольствием думал Крузенштерн, глубоко вдыхая речной воздух.— Однако... однако в такой денек Николай Петрович может и не быть в городе. Мог он и на дачу укатить. Как же это я не осведомился загодя? Да и на какую дачу? Иль на ту, что на второй версте по дороге в Царское Село, иль на ту, что за мостом через Таракановку?»...

Иван Федорович всмотрелся, увидел, что окна второго этажа распахнуты и махнул рукой: «Авось, дома. А коли нет, поеду искать».

Но искать не пришлось: граф Николай Петрович Румянцев был в городе.

Граф перечитывал «Историю Карла XII, короля шведского», пухлый томик парижского издания 1785 года. Ветер шевелил парчовую портьеру; солнечный зайчик дрожал на паркетной навощенной половице... Седовласый, пятидесятидевятилетний человек, высоколобый, с ироническим очерком рта и улыбчивыми глазами наслаждался в тишине прозой Вольтера.

Нет ничего лучше этого неспешного чтения. Пожалуй, нынешние торопыги уже так не читают, как читывали в прошлом, осьмнадцатом веке... Люди-торопыги... А все уходит: слава, почести, чаяния. Но, черт возьми, есть же внутри какая-то пружина, заставляющая нас действовать! О, не мало и он сам торопился и «действовал», огорчался неудовольствием царей, был счастлив, когда монархи изъявляли ему свое благоволение, жаловали поместьями, звездами, табакерками, осыпанными камнями. А потом пришла горечь... Пустота, крах искренних намерений... И тогда он всецело отдался тому, чему ему в сущности следовало отдаваться всю жизнь.

Впрочем, что ж, судьба седовласого человека с ироническим очерком рта и улыбчивыми глазами складывалась так, как она складывалась у людей его круга. А круг его был блистателен — круг высшей знати... Его отец, фельдмаршал, громкостью подвигов спорил с Суворовым. Сын определился по дипломатической части и к пятидесяти шести годам был государственным канцлером, что по табели о рангах равнялось фельдмаршалу.

Все это так. Но в глубине души он знал себе цену (хотя цепляясь за прежнее, думал: вот ежели бы тогда сделали то-то, а тогда то-то, вышло бы иначе). Нет, он не был дальнзорким дипломатом. С каким упорством стремился он к прочному и долговременному союзу с Наполеоном. Как сопротивлялся недругам-сановникам. И с какой горечью убеждался, что влияние его падало, словно ртутный столбик термометра на морозе.

Война с Наполеоном все же произошла. Это dokonало канцлера. Апоплексический удар свалил его надолго...

Он поднялся с постели оглохший, одряхлевший. И подал в отставку. Император Александр построил огорченную мину — о, лицедей, притворщик! — и удовлетворил просьбу старика, даровав ему пожизненно звание канцлера.

Если бы Румянцев был только придворным и дипломатом, ему ничего бы другого не оставалось, как доживать век в праздной скуке и, уподобившись многим отставным вельможам, вздыхать о чуждых временах «матушки Екатерины». Но, к счастью Николая Петровича, в душе его жила страсть, почти неведомая в среде равных ему.

Богат он был безмерно. Детей у него не было. Обзаводиться семьей не помышлял. Ему ничего не было нужно. Он любил ее одну, он любил — Науку.

В особенности его привлекали русская история и география. И он щедро тратил крупные суммы на розыск и издание старинных рукописей, собирание библиотеки и коллекций, на поддержку ученых и переводчиков и, наконец, на снаряжение дальних путешествий...

Дверь отворилась и в кабинет вошел Крузенштерн. Румянцев отбросил Вольтера, протянул гостю обе руки. Ну да, конечно же, капитан первого ранга принес ему бумаги, в которых по порядку изложены все их давние разговоры о большой экспедиции.

Иван Федорович отдал графу сафьяновую папку и уселся в кресло. На первые два листа — перечень расходов — Николай Петрович глянул мельком. Жестом большого барина, не боящегося никаких затрат, он отложил их в сторону и углубился в «Начертание».

Крузенштерн наблюдал за ним. Вдруг Румянцев чуть заметно улыбнулся. Крузенштерн не понял, чего больше было в этой быстрой улыбке — откровенного удовольствия или тонкой насмешки умника, стыдящегося похвалы, но, как и все люди, втайне ждущего ее. Не поняв суть улыбки Николая Петровича, капитан, однако, сообразил, что тот читает пятый пункт «Начертания». А в пятом пункте говорилось, что экспедиция, снаряжаемая Румянцевым, может по праву считаться достославной, ибо прежние путешествия европейских мореходов не имели столь благородных причин, не были учеными, а замышлялись как средство обогащения.

Румянцев читал внимательно, не спеша, испытывая наслаждение уже совсем иного свойства, нежели от вольтеровой прозы.

Закончив чтение, Николай Петрович некоторое мгновение глядел перед собой, потом медлительно положил бумаги на столик, поднялся и обнял Крузенштерна.

— Вначале было слово! — сказал он, улыбаясь. — А теперь, мой друг, пора за дело.

ОТПЛЫТИЕ

Знаете эти июльские послеполуденные часы? Жара густая, давящая; деревья и воды не шелохнут; ветер убрался в подворотни, сник где-то на задворках...

Вот в такой час июльского дня два флотских лейтенанта, то и дело вытирая лица платками, похаживали у Итальянского пруда.

Лейтенанты дожидались пассажбота. Пассажбот — поместительный баркас — возил людей из столицы на остров Котлин. В Петербурге он отваливал от пристани у Сенатской площади, а здесь, в Кронштадте, приставал к Итальянскому пруду.

— Э,— проворчал один из офицеров, круглолицый, добродушного вида человек в мешковатом мундире,— этот пассажбот обжидать — хуже нет... Говорят, к осени начнет ходить пироскаф.

Другой лейтенант — высокий, белокурый, длинноногий — глядел на дремлющий Финский залив. Прищурившись, он сказал:

— Напрасно коришь пассажбот, Глеб. Смотри — идет!

Действительно, баркас уже входил в неширокий канал, соединяющий залив с Итальянским прудом. Потом он грузно вдавился в грязную, зеленоватого отлива прудовую воду, развернулся и притиснулся смоленным, обшарпанным бортом к деревянной пристани.

Приезжие, измотанные нудной поездкой, толкаясь повалили по сходням. Прошли несколько флотских, вяло кивнув знакомым лейтенантам и даже не поинтересовавшись узнать, кого ж эти двое столь нетерпеливо высматривают. Следом за офицерами показалось несколько штатских. Встречающие не обратили на них никакого внимания.

— Ей-богу, нету,— разочарованно произнес белокурый лейтенант.

А широколицый с ленцой отозвался:

— Охота им в такую жару тащиться...

Они уже хотели убраться восвояси, как двое штатских, неуверенно озираясь по сторонам, приблизились к ним. Оба были очень молоды и, судя по одежде, небогаты. Тот, что постарше, ученого вида, в очках, спросил офицеров, не ждут ли они его сиятельства графа Николая Петровича и капитана первого ранга Ивана Федо-

ровича. Лейтенанты, насторожившись, отвечали, что они именно и прибыли с корабля в Кронштадт, чтобы встретить Румянцева и Крузенштерна.

Оказалось, что штатские молодые люди присланы Румянцевым к господину лейтенанту Коцебу — белокурый приветливо заулыбался, — что вот он, Эшшольц, будет на корабле медиком и натуралистом, а его юный друг, господин Хорис (очкастый указал на худощавого безусого юношу, явно смущенного, но старавшегося выглядеть независимо) — корабельным живописцем.

— Отлично, господа, — сказал лейтенант Коцебу и осведомился. — А что же граф с Иваном Федоровичем?

— Прибудут завтра, — ответил Эшшольц.

— Стало быть, завтра опять дожидаться, — недовольно заметил круглолицый лейтенант Глеб Шишмарев, но Коцебу укоризненно покосился на него, и Глеб пробубнил что-то примирительное.

— Однако что ж мы стоим, как вкопанные? — сказал Шишмарев, отирая лицо платком и расстегивая ворот мундира. — Пойдемте-ка, братцы, в трактир и познакомимся короче.

Тут между офицерами произошел диспут на тему, в какой трактир отправиться. Коцебу утверждал, что лучше всего в питейный дом на горке; Шишмарев доказывал, что у Томаса кормят отменнее и к тому же на его дочь Дженни глядеть куда приятнее, чем на сонные рожи половых питейного дома.

Вскоре четверо будущих путешественников сидели в английском трактире. Шишмарев, затолкав за ворот салфетку, с видом завсегдатая шептался с Томасом.

— О, да, сэр, — кивал Томас.

Доктор и живописец, почувствовав, что они попали к славным, хорошим людям, бросили чиниться и разговорились.

Эшшольц был земляком командира корабля лейтенанта Отто Евстафьевича Коцебу; он тоже родился в Эстляндии, правда, не в Ревеле, а в университетском городе Дерпте и учился там же. А вот Логгин Хорис, тот уроженец Екатеринослава. Бывал он в ботанической экспедиции на Кавказе, потом занимался в петербургской Академии Художеств, но не по нему сиднем сидеть в классах да рисовать торсы греческих богинь. Ему хочется видеть мир...

Слуга накрыл стол, а когда подали портер все разом умолкли: портер подала дочь трактирщика — писаная красавица, и Шишмарев, будто он был повинен в явлении этого чуда, победительно оглядывал товарищей.

Дженни ушла, горделиво подняв хорошенькую головку и шурша крахмальными юбками, и беседа за столом возобновилась.

— Итак, господа,— начал Коцебу,— нынче наш последний береговой день. Завтра граф Николай Петрович и Иван Федорович осмотрят наш «Рюрик», а на следующий день снимемся с якоря. Место для вас приготовлено. Надеюсь, будете довольны. Не знаю, впрочем, как вы переносите море...

— Мы ни разу не были в море,— признался Эшшольц.

Логгин Хорис с некоторой самоуверенностью заметил, что на кавказских кручах не менее опасно и что ко всему можно привыкнуть, было бы желание и терпение.

— Верно, Логгин Андреич,— отозвался Шишмарев, простежки хлопнув юношу по плечу.— Верно. Да и то сказать, как у нас кадеты говаривают: жизнь копейка, голова — ничего! Шире ставь ноги, держись в шторм за палубу да гляди в оба. Привыкнешь!

Все засмеялись и чокнулись.

* * *

Крузенштерн заметил «Рюрика», едва лишь большая шлюпка отошла от кронштадтского берега. Он указал Румянцеву: вон наш красавец, стоит себе на рейде, маленький да удаленький. Высоколобое усталое лицо Николая Петровича просветлело.

Кроме Румянцева и Крузенштерна, осмотреть «Рюрик» поехали еще двое — вице-адмирал Моллер (под строгой благообразной личиной его не сразу угадаешь вороватого чинушу) и ценитель, знаток кораблей, морщинистый контр-адмирал Коробка с хитроватым крестьянским прищуром стариковских глаз.

Но, конечно, лишь Крузенштерн с Румянцевым испытывали волнение, видя, как то, что было на бумаге, в мыслях, воплотилось в корабль, снаряженный в дальний путь и населенный людьми, готовыми одолеть тысячи миль и тысячи препятствий. С волнением глядя на бриг, они невольно припоминали минувшее..

Было 29 июля 1815 года. Два года назад в доме на Английской набережной читали они «Начертание путешествия для открытий...» Много дел переделано за те два года. Иван Федорович побывал в Лондоне, закупил там карты и приборы; он же рекомендовал Румянцеву назначить командиром «Рюрика» своего воспитанника Отто Коцебу, совершившего с ним кругосветное плавание... Николай Петрович за это время согласовал с Комитетом министров отправку научной экспедиции, выхлопотал разрешение нести брига военный флаг, списался с послами и консулами, прося их ходатайствовать перед иностранными правительствами о помощи путешественникам. Много дел переделано. А впереди еще больше! Впереди самое главное. И оно ложится на плечи тех, кто ждет их на палубе «Рюрика»...

Они поднялись на борт корабля и команда, поставленная во фронт, прокричала «ура».

Румянцев здоровается с офицерами. Он чувствует спокойное пожатие Коцебу, широкую твердую ладонь его помощника Шишмарева, горячие нервные пальцы третьего лейтенанта Ивана Захарьина. А вот и молодежь: медик Эшшольц, живописец Хорис.

— Ну-с, каково на бриге? — спрашивает Румянцев. — Надобно посмотреть, как вы примостились.

Доктор и художник заверяют, что все расчудесно, хотя и тесновато.

— Это уж капитана вините, — шутит Крузенштерн. — Он составлял внутреннее расположение корабля. Впрочем где ж размахнуться, когда водоизмещение всего 180 тонн!

Румянцев, Крузенштерн, кронштадтские адмиралы медленно обходят «Рюрик». Заглядывают в капитанскую и офицерскую каютки; заходят в более поместительный отсек, отведенный натуралисту и художнику; там небольшой столик, полка с книгами, четыре койки, две заняты, две пока пустые. Потом они спускаются по крутому узенькому трапу в матросский кубрик, в каморку штурманских учеников... Старик Коробка, побряхтывая, лезет в трюм, Крузенштерн за ним. В трюме аккуратнейшим образом (на зависть любому стивидору, ведающему погрузкой и выгрузкой судов), уложены запас продовольствия и товары для меновой торговли с островитянами Тихого океана.

И вот все снова собрались на палубе. Замечаний нет. Румянцев благодарит за труды матросов и офицеров. Краткие напутствия Крузенштерна своему воспитаннику Отто Коцебу: твердость, благоразумие, забота о матросах-служителях. «Смотри, какие же у тебя молодцы!» И Румянцев подтверждает, что лейтенант поступил справедливо, набрав людей не по принуждению, а добровольно. Эге, старый граф-крепостник давно догадывается, что добровольность хороша, куда лучше принуждения. Но, думает он, то в службе только, а там, на землях, в деревнях, там иное...

Шлюпка отваливает. На вантах стоят матросы. Балтийский ветер бьет в их лица. Провожая начальство, они кричат «ура».

Наступает вечер, последний вечер «Рюрика» близ Кронштадта. Медное солнце, предвещая завтрашний ветер, виднеется наполовину. На западе вырисовывается башня Толбухинского маяка. Тихо, сумеречно...

В ту ночь на бриге мало кто спал. В матросском кубрике негромкий говор; в каютах тоже. Одно настроение у всех этих разных людей — немного грустное и очень серьезное.

А на рассвете 30 июля 1815 года бриг, самый маленький из всех русских парусных кораблей «кругосветников», снимается с якоря.

Прощай, Родина!

ЮЖНОЕ МОРЕ

Время на судах, несмотря на однообразие будней (а может, именно поэтому), летит удивительно быстро.

Уже пять месяцев «Рюрик» в походе. Давно остались за кормой и башни Копенгагена, и рыбацьи шаланды у меловых скал Англии, и огни Плимута. В преддверии Атлантики изведен злой шторм. Пересечен океан. И у

благодатной земли Нового Света, гористой и зеленой, еще одна буря испытала крепость «Рюрика».

Да, быстро летят корабельные дни. Давно уже чувствуют себя старожилками три человека, ступившие на палубу брига в Копенгагене.

Двое заняли пустовавшие до того кройки в каюте, где обосновались доктор Эшшольц и художник Хорис. Эти двое натуралисты. Адалберт Шамиссо, красивый насмешливый француз, выросший в Германии, и датчанин, исследователь северной природы, уже побывавший в Гренландии, а теперь намеревавшийся изучить Камчатку — Мартин Вормшельд, целеустремленный, упорный, один из тех, о которых его соотечественники говорят: «этот знает, где поставить шкаф».

Ну, а третий? Третьего тотчас отличишь. Он негр, вестиндский негр; капитан отыскал его в копенгагенском порту и нанял поваром, надеясь, что в тропических широтах тот сумеет, не изнывая от двойной жары — солнца и печки, хорошо прохарчить команду...

Пять месяцев в походе «Рюрик». Были за это время и напряженные, страшные штормовые часы, когда Никола Чудотворец, покровитель моряков, видать, отступился от «рюриковичей», и они сами вызволяли себя из беды; бывали и веселые — в открытом океане сочинили и сыграли на шканцах комедию «Крестьянская свадьба»...

Все дальше уносят «Рюрик» волны и ветер. Впрочем, новолетье застает мореходов еще в Атлантике.

В общей каюте сошлись за праздничным столом офицеры и ученые. Начались тосты, благодушные пожелания. Как водится, принялись вспоминать уходящий год. Сколько же громких событий, и сколько в них драматизма! И, конечно, чаще всего произносятся слова «Наполеон», «Франция». На затерянном в океане бриге в новогоднюю ночь говорят и о победе Наполеона с острова Эльбы, и о «ста днях», и об июньской, губительной для Наполеона битве при Ватерлоо, и о вторичном занятии Парижа войсками союзников.

Но никто из семерых собеседников и не догадывался, что в октябре совсем неподалеку от «Рюрика» плыл английский фрегат, увозивший поверженного полководца на пустынный остров.

И никто из семерых не знает, что на шею народов, стряхнувших наполеоново иго, уже напяливают ярмо

«законных» монархий, восстановленных Священным союзом. Однако, знай это офицеры и ученые, они не разглядели б в том ничего худого. Только романтик и свободолюбец Адальберт Шамиссо горестно поник бы головой...

Но «Рюрик» уже очень далек и от европейских берегов и от европейских событий.

На двухмачтовом корабле все нетерпеливее ожидают встречи с диковинным, ярким, самобытным миром Тихого океана. Офицеры, штурманы, матросы грезят о географических открытиях, ученые — о находках невиданных растений и животных, о гербариях и банках с заспиртованными особями.

* * *

Этот мир открылся экипажу «Рюрика» в 1816 году.

Обогнув мыс Горн — дело, разумеется, не обошлось без сильнейшей передряги, едва не сгубившей самого Коцебу, — корабль достиг Великого или Тихого океана. Тогдашние географы и навигаторы, в том числе и Крузенштерн, часто именовали его Ю ж н ы м м о р е м.

Южное море... Большие надежды возлагали на него организаторы экспедиции. Сидя за столиком в своей тесной каюте в накинутах на плечи сюртуке, Отто Евстафьевич Коцебу разворачивает инструкцию.

«Двукратное через все Южное море переплытие корабля в разных совсем направлениях, — перечитывает капитан, снимая нагар со свечей, — бесспорно послужит к немалому распространению наших познаний о сем великом Океане, равно как и о жителях островов, в величайшем множестве здесь рассеянных».

Вот и начинается, думает Коцебу, первое из «двукратных переплытий»...

Широко и мощно дышит Южное море. По правому борту кроется во мгле скалистый чилийский берег. В разрывах туч теплятся звезды. Стрелка запасного компаса в капитанской каюте показывает на север. На север держит и рулевой «Рюрика».

Плавание от Кронштадта до чилийского порта Консепсьон (кстати сказать, до «Рюрика» в Чили не появлялось ни одно русское судно), несмотря на трудности, было, по справедливому замечанию Коцебу, «только введением». Но с того дня как бриг покинул Чили «началась важнейшая часть путешествия».

Началась она при отличной погоде и добром попутном ветре. О грозных силах, дремлющих в природе, вещали покамест лишь отдаленный гул да зарницы, охватывающие по ночам полнеба. Очевидно, решили на бриге, где-то на американском берегу землетрясение.

Вскоре этот устрашающий низкий рокот перестал доноситься, зарницы погасли. Длинные и крупные океанские валы бежали до горизонта и, добежав до него, сливались с краем небосвода. А оттуда поднимался все выше и выше, а потом опрокидывался над «Рюриком» яркий и чистый купол неба.

Послушный воле капитана, двухмачтовый парусник плыл к острову Пасхи.

Сменялись дни строгой корабельной жизни. Офицеры поочередно правили вахты. Штурманские ученики, соревнуясь в точности и быстроте, вели счисление пути. Натуралисты, не уступая штурманам в аккуратности, измеряли температуру воздуха и воды на поверхности и на разных глубинах, записывали барометрические показания. Делали они и то, что до сих пор не делалось ни на одном корабле — при помощи тарелок, погружаемых на тросе в море, определяли прозрачность воды...

И этим наблюдениям, приведенным впоследствии в систему и обработанным, суждено было оставить заметный след в науке. И не только в науке, современной им. Столь бесхитростные на первый взгляд наблюдения натуралистов брига доныне сохранили свое значение.

* * *

Рослые, туземцы острова Пасхи были люди простодушные и кроткие. Они охотно вступали в меновой торг с чужестранцами. Однако уж много лет, как белокрылые корабли, иногда появляющиеся у берегов Пасхи, вызывали у них ужас и отвращение. И было из-за чего...

Среди американских шкиперов, рыскавших в поисках счастья (конечно, денежного, ибо в ином обличье оно им не представлялось), было немало молодцов, готовых на любое, самое злодейское предприятие. Один из таких «рыцарей» явился в 1805 году на остров Пасхи. Замыслы у него были коварные: для добычи морских котиков хотел он основать рабовладельческую колонию на необитаемом островке Мас-а-Фуэро; о лучших рабах, чем сильные и ловкие жители Пасхи, он и думать не мог.

Поставив свою посудину, носившую ласковое имя «Нанси», в удобное местечко и подпоив изрядно матросов, верно, таких же головорезов, как и он сам, шкипер принялся ловить туземцев. Те сопротивлялись отчаянно. Огнестрельное оружие оказалось, могущественнее луков, стрел и копий. Дюжина мужчин и десять женщин были схвачены, привезены на судно, закованы в кандалы и брошены в трюм. И «Нанси» подняла паруса...

Три дня спустя (остров давно уже утонул за чертой горизонта) с пленников сбили оковы и выпустили на палубу. Пусть-ка подышат свежим воздухом. Рабам надо сохранить силы! Ах, каких котиков добудут они bravому шкиперу, а по прибытии в Нью-Лондон как весело зазвонит в его карманах золото!..

И вдруг — американцы оцепенели — туземцы, не раздумывая, прыгают за борт, вниз головой, вытянув руки. И вот уже их смуглые татуированные тела мелькают среди белых гребней волн... Женщины хотели было ринуться следом, но матросы успели удержать их.

Что стало с пловцами? Достигли ли они родного острова? Погибли? Как бы там ни было, но случай этот положил конец мирным отношениям жителей Пасхи с бледнолицыми пришельцами из-за океана. В следующем году судно англичанина Адамса не смогло пристать к берегу, а еще несколько лет спустя там не посмел высадиться капитан Уиндшип с корабля «Альбатрос».

Когда же в конце марта 1816 года у залива Кука показался «Рюрик», на острове тотчас взвился белый столб дыма — сигнал опасности и тревоги, призыв к бдительности и осторожности. А Коцебу, ничего не подозревая, отдал якорь и спустил шлюпки.

Моряков встретила большая толпа вооруженных туземцев. Спутники Коцебу впервые видели «дикарей». Неистовый шум, лица, раскрашенные черной, красной и белой краской озадачили и даже напугали их, хотя каждый и старался скрыть свою робость. Но капитана в этой встрече занимало другое. Он заметил, что в туземцах борются два желания: завязать меновую торговлю и напасть на пришельцев.

Между тем островитяне все теснее окружали моряков, и угрожающие выкрики совсем заглушили разрозненные дружественные возгласы. Пытаясь несколько расчистить место, Коцебу велел матросам дать залп в воздух. Ответ-

том был град каменьев. Капитан, наконец, начал догадываться, что «европейцы в недавнем времени производили здесь всякие бесчинства» и решил не мешкая возвращаться на бриг.

* * *

Неприятный почин в ознакомлении с новым миром — островным миром Тихого океана! А все тот малый со шхуны «Нанси»... Впрочем, на «Рюрике» о нем не знали и долго терялись в догадках.

Но пришел апрель и совершенно вытеснил из памяти происшествие на острове Пасхи. Апрельские дни — то погожие и теплые, то дождливые и шквалистые — ознакомились открытиями.

Теперь не было матроса, который не рвался бы дежурить на салинге. Что за фарт сидеть на фок-мачте! Внизу на палубе завидуют тебе братцы-матросы, ждут от тебя желанного крика: «бе-е-е-рег!» Да и тебе самому страсть охота прокричать заветное слово. Одначе нет, гляди вдаль, стереги миг, когда возникнет бурун, предтеча берега... Сиди, гляди, сторожи. Эвон, сколько птиц морских. Так и ходят стаями, точно голубятник какой гоняет их шестом с тряпицей. А уж коли птиц пропасть, стало быть, земля непременно где-то тут, рядышком... Господин капитан так говорят. Они-то уж знают...

И, наконец, раздалось:

— Бе-е-е-рег!

Палуба сразу же наполнилась людьми. Все зрительные трубы повернулись в одну сторону — на норд-норд-вест, туда, где, словно из воды, вырос зеленый свежий лесок.

Бриг медленно-медленно обходит низменный остров. Штурманы работают, обливаясь потом. Натуралисты переминаются с ноги на ногу и умоляюще поглядывают на капитана: как бы, мол, съехать на сушу, Отто Евстафьевич... Но бурун силен, а коралловые рифы остры, и Коцебу не хочет рисковать.

К тому же... к тому же очертания островка весьма напоминают лейтенанту Собачий остров, который ровно за двести лет до «Рюрика» нашел голландец Скоутен. Коцебу озабоченно морщит лоб. Ведь широта, указанная голландцем, разнится на 21 минуту с той, которую опре-

делил он и его штурманы. Такая ошибка не могла, пожалуй, произойти и два столетия назад. Может быть, правда, Скоутен все же ошибся. Стоило ли брать на себя сомнительное открытие? И Коцебу, сделав карту низменного островка, называет его — «Сомнительный»

На душе остается некоторая горечь. Но снова часовой на салинге, и снова затаенное ожидание на бригае...

А спустя несколько дней опять замирают сердца, ибо опять матрос на мачте возвещает берег.

О, теперь-то и капитан, и его офицеры, и естествоиспытатели, и художник побывали на земле! Кому приходилось ощущать под ногами землю после продолжительного плавания, тот знает это необычайное, волнующее и одновременно успокоительное ощущение. Словно, возвратившись из долгих странствий, переступаешь порог отчего дома. В такой момент отчетливо понимаешь, что такое мать-земля и что такое неверная зыбкая пучина, мысль о коварстве которой гнездится в тайниках души почти каждого моряка.

Все это остро почувствовал Коцебу и его товарищи, едва они сошли на мелкий береговой коралловый песок. А вдобавок островок-то был неведомый!

Остров получил имя Румянцева. Несколько ружейных выстрелов и несколько глотков вина из бутылки, пущенной вкруговую, отметили это событие. На «Рюрике» взвился императорский флаг, и по команде канонира Павла Никитина грохнул салют из всех восьми пушек...

С этого дня будто какой-то волшебник сыпал перед «Рюриком» островками. Целыми группками островков. Как из сказочного рога изобилия! На карту легли остров Спиридова, цепь Рюрика, остров Крузенштерна. Коцебу «рассчитался»: Спиридов был его прежним начальником по службе на Белом море, «Рюрик» — его детищем, он стоял у его колыбели — в финском городе Або, Крузенштерн же — старшим другом, наставником, человеком, которому он обязан тем, что стал моряком, а не пехотным офицером какого-нибудь захолустного гарнизона. Нет, он еще не полностью «рассчитался»... Нужны еще открытия, чтоб увековечить имена своих добрых спутников...

В апреле же мореходы сделали опись островов Пенрин, высадились там благополучно и ко взаимному удовольствию провели с туземцами меновую торговлю.

Да, были ликующие, праздничные дни, когда хотелось перечеловать всех и братски обняться с каждым!

Май застал моряков все в том же приподнятом праздничном настроении. Коцебу знал, что наступает время, когда ему нужно торопиться на Камчатку, но... ох, как не хотелось оставлять залитую солнцем «страну коралловых островов» с ее пальмовыми рощами, бешеной пляской бурунов, спокойствием голубых и зеленых лагун. Какие были лица у Шамиссо и Эшшольца, у Хориса и даже у молчаливого замкнутого Вормшельда! Они не знали ни дней, ни ночей. Они, как лакомки, напали на атоллы с их богатейшей органической жизнью, с их изумительными пейзажами, при изображении которых юный Хорис страдальчески закусывал губу.

Открыв еще два атолла (Суворова и Кутузова) в группе Радак Маршалловых островов, Коцебу оставляет низкие широты и идет в Петропавловск.

НЕСБЫВШАЯСЯ НАДЕЖДА

На дворе середина июня. Но вокруг, на скалах и сопках еще снег полеживает, потемневший, твердый. Над бревенчатыми избушками ветер пошевеливает дым, и он медленно тает в солнечном свете.

В тесовом доме лейтенанта Рудакова топились печи. Рудаков сидел у стола по-домашнему, без мундира, в белой рубашке голландского полотна и, попивая чай, кислый от брусничного варенья, поглядывал в оконце. Слава богу, в окне были стекла. А раньше слюдой залепливали да старыми казенными бумагами...

Рудаков уже два года исправлял должность камчатского начальника. Невеселое житье-бытье в Петропавловске. Пойдет лейтенант в казармишку, пристрастит матросов-служителей, дабы от скуки не осатанели, и вон. Куда ж еще податься? К чиновнику Российско-Американской компании, ведающему компанейскими магази-

нами? Э, надоел он изрядно. Все щелкает на счетах, норовя обмануть охотских чиновников... Почта не приходила... Ну и возвращается Рудаков в теплынь тесового дома.

То ли дело в запрошлые годы... Служил он на море. С самим Василием Михайловичем Головинным на «Диане» плавал. А теперь что? Вот как «Диана» на мертвых якорях гниет в уголку Петропавловской гавани, так и он... Ни света, ни радости. Забросила судьбина на край света. Эх, повидать бы кронштадтских, поговорить, вспомнить, отвести душу!

Лейтенант Рудаков потянулся было еще за чайком, но в дверь постучали и в комнату вошел матрос.

— Осмелюсь доложить, ваше благородие,— радостно и громко сказал он,— корабль на горизонте!

Рудакова точно подменили. Он понимал, что корабль еще очень далеко, ибо известие о нем передано телеграфом (этот семафор, напоминающий нынешние железнодорожные, был установлен на высокой скале при входе в Авачинскую губу); он понимал, что пройдет еще немало времени прежде чем судно станет на якорь. Но Рудаков тотчас собрался, причесал волосы, глянул на себя в зеленое, в мушиных точечках зеркало и вышел из дому.

В казарме все были уже на ногах. Рудаков приказал готовить баркас, чтобы помочь неизвестному кораблю втянуться в гавань, и шлюпку, чтобы самому выйти навстречу гостям.

Час спустя на «Рюрике» — а к Петропавловску подходил именно он — заметили два гребных суденышка, матросы которых налегали на весла, то низко склоняясь, то сильно откидываясь. А вскоре на шлюпке уже можно было разглядеть офицера, зажавшего в зубах коротенькую трубку.

— Наскучались тут, бедолахи,— растроганно сказал Шишмарев капитану.

— Да и мы,— заметил, подходя Захарьин,— уж год скоро, как ни с одним земляком не виделись.

Ветер упал, «Рюрик» едва двигался, и баркас взял его на буксир. Оставив шлюпку, камчатский начальник ловко — сразу проглянула повадка бывалого моряка — взобрался на бриг. Его окружили, обнимали, жали руки. Он глядел на всех блестящими глазами и говорил что-то радостно и сбивчиво.

Баркас потихоньку тащил бриг в глубь гавани, а Рудаков с офицерами и учеными угощались в каюте обедом.

Коцебу рассказывал лейтенанту о целях научной экспедиции, об открытиях в южной части океана, о том, что после камчатской стоянки они отправятся на норд для отыскания начала Северо-Западного прохода.

Рудаков, не скрывая зависти, воскликнул:

— Славное дело! Дорого дал бы за участие в нем! Ей-ей, хоть матросом!

И обеда всех восторженным взором, продолжал:

— Трудности великие, господа! Ведь сколько кормицков пытались пройти тем путем. Ежели не ошибаюсь, последним был бессмертный Кук. А в нынешнем столетии никто не брался за сие. Даже и аглицкие мореходы. Как бы ни было далее, а почин наш, российский. Завидую, право, завидую! Думаю, в Англии об вас знают? Знают, Отто Евстафьевич?

— Давно знают,— усмехнувшись, ответил капитан «Рюрика».— Да мы и не скрывали. Иван Федорович Крузенштерн писал об экспедиции другу своему Барроу, секретарю Адмиралтейства. И говорил с аглицкими капитанами, когда ездил в Лондон для закупки карт и инструментов. Господин Барроу давненько ратует за полярный поход, только лорды адмиралтейские медлят. Полагаю, что все ж и они вскоре снарядят суда.

— Н-ну, дела,— закрутил головой Рудаков.— Честное слово, нынче же отпишу морскому министру. Будет с меня Камчатки. Будет! В плавание хочу, ох, как хочу, господа...

Последнюю фразу он произнес почти тоскливо, Коцебу пошутил:

— Вы уж только сразу-то не уезжайте: сперва похлопочите об нашем «Рюrike».

Рудаков помолчал; потом деловито начал расспрашивать капитана о его нуждах.

В полночь «Рюрик» стал на якорь.

На следующее утро камчатский начальник отправил матросов местной команды к шлюпу «Диане» и велел снимать с нее листы медной обшивки. Медь нужна была «Рюрику», обшивка которого походила на нищенские лохмотья. Так «Диана», выстроенная более десятка лет назад на реке Свирь и совершившая полукругосветное

плавание с Головинным, сослужила последнюю службу русскому флоту.

Коцебу мог быть доволен: корабельные работы шли полным ходом, стараниями Рудакова быстро пополнились запасы продовольствия и дров, из петропавловских матросов отобрали для брига шестерых здоровяков, охочих до дальних плаваний. Но одно обстоятельство сильно заботило командира.

Лейтенант Иван Яковлевич Захарьин худо чувствовал себя еще в первые месяцы плавания; а потом и совсем расхворался. «Болезнь заставила лейтенанта Захарьина остаться на Камчатке,— писал командир «Рюрика»,— и теперь мне предстояло затруднительное плавание в Берингов пролив только с одним офицером, но это отнюдь не заставило меня колебаться, так как рвение лейтенанта Шишмарева, равно как и мое, нимало не ослабело. Вызывала печаль невозможность полностью осуществить задуманное, так долго занимавшее мое воображение, ибо что могли мы совершить в Беринговом проливе, если один из нас всегда должен был оставаться на корабле?»

И еще была печаль у Коцебу. Да и не только у него. Время уходило, пора сниматься с якоря, а почты из Петербурга все еще не было. А как же не терпелось узнать новости, прочесть о родных и близких...

Написав подробное донесение Румянцеву, простившись с Иваном Захарьиным и Мартином Вормшельдом, оставшимися на Камчатке, Коцебу, невзирая на противный ветер, начал лавировать к выходу из гавани.

Долго еще на берегу стояли трое, приветственно размахивая платками,— Рудаков, Захарьин и датский натуралист.

* * *

Представьте: лейтенант императорского флота в мундире с медными пуговицами; перед ним — туземец, широкоскулый, в шкурах, перепачканных вонючим китовым жиром; лейтенант и островитянин... трутся носами. Да, да, эдак усиленно трутся носами и улыбаются. Правда, у Коцебу улыбка несколько натянутая. Но он улыбается даже тогда, когда новый знакомец плюет на руку и старательно потирает ею чистое, розоватое лицо лейтенанта.

Потом подходит другой человек в шурах и процедура приветствий продолжается.

Коцебу был в весьма затруднительном положении. Но ему и его товарищам так хотелось осмотреть остров Св. Лаврентия, что капитан терпеливо ждал окончания церемонии.

Наконец, одарив островитян бисером, ножами, железом, Коцебу, натуралисты и художник совершили небольшую прогулку по пустынному мшистому берегу.

В тот же день слабый, переменчивый ветер наполнил паруса «Рюрика». От острова Св. Лаврентия капитан держал курс в Берингов пролив.

Погода была препротивная — туман, слякоть, пасмурность. Солнце не показывалось, часто припускал дождь. Поверх форменного платья все надели «камлайки» — широкие длинные непромокаемые рубахи, пошитые туземцами острова Св. Лаврентия из тюленьих и моржовых кишок. В этих своеобразных плащах матросы и офицеры казались на палубе, окутанной туманом, мрачными призраками. Да и бриг, медленно плывущий в сумраке северных вод, походил на один из тех загадочных кораблей, о которых любили толковать в кронштадтской и ораниенбаумской божедомках отставные матросы — «сурки».

В последние дни июля «Рюрик» был в Беринговом проливе. Выглянуло солнце. Лучи его, пробив тучи, мягко осветили берега пролива; с правого борта корабля — американский берег, с левого — азиатский. Два материка, две части света тянулись по обеим сторонам брига; студёные волны бились в скалах, кипели пеной. Переходя с борта на борт, путешественники могли видеть и Америку и Азию.

Однако на азиатский берег бросали они лишь мимолетные взоры. Зато пристально глядели на американский. Ведь где-то там, именно на американском берегу, надеялись они обнаружить проход — тихоокеанское начало великого и таинственного Северо-Западного пути.

Миновав мыс принца Уэльского, моряки открыли островок, названный в честь известного гидрографа вице-адмирала Сарычева, и бухту, получившую имя помощника и друга Коцебу — Глеба Шишмарева. Однако тщательный осмотр бухты капитан отложил до следующего лета. Он торопился: для плавания в Беринговом проливе скупая природа севера отпустила слишком мало времени.

Впрочем, пока у капитана не было особых оснований жаловаться на север, ибо установились погожие солнечные дни, столь желанные для штурманов.

Бриг держался близ американских берегов.

Было первое августа 1816 года. День, как день: с утренней приборкой, с чаепитием, со сменой вахты. И вдруг все изменилось, и день ярко высветился из вереницы прочих: открылась большая губа, берег ее уходил далеко... слишком далеко. Одна и та же мысль пронизала Коцебу, Шишмарева, натуралистов, штурманов, матросов.

Всем почудилось, что они у цели, у Северо-Западного пути! Капитан, обычно сдержанный, спокойный, дрожащими пальцами теребил борт сюртука. Шишмарев шумно дышал. Шамиссо сильно, не чувствуя боли, притиснул к глазам подозрную трубу. Эшшольц и Хорис машинально взялись за руки и напоминали немного испуганных детей. Штурманы Хромченко и Петров мечтательно улыбались, а их товарищ Михайло Коренев, маленький, широкий в плечах крепыш, сунул руки в карманы и замер. Матросы, сгрудившись, негромко переговаривались; скептики (а они всегда найдутся в любой команде) помалкивали.

Почти три недели посвятил Коцебу исследованиям водного пространства и берегов, не нанесенных ни на одну карту в мире. И эти три августовских недели экипаж жил лихорадочно. Просыпался с верой, что уж нынче-то вполне убедится в наличии прохода, засыпал усталый, так в том и не убедившись. Незвестность и томила и будоражила.

Плавая на байдарках, они описали берега; бойко выменивали у местных жителей посуду, оружие, утварь, одежду, все, что могло рельефно представить европейцам жизнь неизвестного племени; доктор Эшшольц обнаружил «ледяные горы» — ископаемый лед и бивень мамонта; Шамиссо собрал обильный гербарий; Хорис рисовал туземцев и сходство портретов с оригиналами торговало наивных «детей природы».

Как будто бы отлично. Однако к радости открытия примешивалось разочарование — здесь не было прохода.

Но зато здесь был обширный залив, зунд, и Отто Коцебу ясно сознавал его значение.

Прежде всего он чувствовал удовлетворение, приправленное некоторой долей лукавства: знаменитый Кук, сам Джеймс Кук, плавая в Беринговом проливе, не открыл вот этот залив, проглядел его. Потом он подумал о будущих

мореходах, о тех, кто придет в эти широты после «Рюрика». Уж они-то оценят открытие капитана Отто Коцебу! Любо-дорого поглядеть на все эти удобные бухточки и гавани, точно нарочно созданные для кораблей, переживающих ненастье.

Впрочем, не одним мореплавателям будет гожа залив, найденный им, Отто Коцебу. Сколько же на берегах его пушного зверя, сколь богат пушным товаром местный житель! Купцы Российско-Американской компании могли бы завести тут поселения, и барыш был бы не малый.

Что ж до него, до капитана румянцевского брига, то он еще и сам попользуется прекрасным заливом. Отсюда он предпримет сухопутную экспедицию для исследования направления берега. Крузенштерн думал совершить эту экспедицию из Нортонова залива. Но нынче нет в нем надобности. Да, в будущем году «Рюрик» еще раз заглянет сюда.

И вот уже Коцебу прощальным взором окидывает серо-свинцовую рябь большого залива. По желанию всего экипажа он нарекает его зундом Коцебу.

«Рюрик» снова ушел в Берингов пролив. В собрании карт, выполненных на его борту, прибавилась еще одна, изображающая залив Коцебу с островом Шамиссо и бухтой Эшшольца.

До начала осенних штормов бриг плавал в Беринговом проливе. Повернув на запад, он подходил к мысу Дежнева, потом спускался к югу, и участники экспедиции занимались описью азиатского берега, изучением режима пролива.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ КАДУ

Каду и Эдок жили в хижине Тигедиена. Хижину осеняли пальмы. Неподалеку бились в рифах океанские волны. И взлетали, сверкая на солнце водяными брызгами.

Уже несколько лет жили Каду и Эдок в хижине тамона, старшины острова Аур. И на острове Аур, и на многочисленных островках, походивших на зеленые цветы, разбросанные простодушным художником на огромном синем блюде, на всех этих коралловых, негусто населенных земляцах знали Каду и Эдока.

Не своей волей очутились они на острове Аур. Не раз приходилось им рассказывать свою историю. Историю страдальцев. И каждый раз слушатели-островитяне дивились и качали головами, произнося протяжное «о-о-о!»

Они родились далеко, от острова Аур — за полторы тысячи миль от тех мест, где жили ныне в хижине, осененной пальмами. На парусной лодке они с малолетства ходили в море, ловили рыбу и, наполнив лодку шевелящейся серебряной грудой, возвращались к родному очагу.

Каду и Эдок прожили бы свою жизнь так, как жили деды и прадеды. Но однажды свирепый шторм далеко унес лодку с Каду и Эдоком. И они не смогли найти дорогу домой. Больше им не суждено было увидеть родину.

Восемь месяцев плыли два рыбака, лавируя против норд-остового пассата, плыли в открытом океане, пробавляясь рыбой, собирая дождевую воду и отмечая новолуния узелками на длинной веревке.

Вообразите себе только двух этих людей в океане и смену ночей и дней, бесконечную и однообразную. Месяц за месяцем. Полгода. Почти год... Они обессилели. Они молчали. Их лица осунулись. Глаза потухли. У них уже не было желания управлять парусом, следить за ветром, ловить рыбу, собирать дождевую воду. Они ждали смерти как избавления.

Солнце палило, океан сиял. Он казался беспредельным кругом, и в нем кружила, кружила, кружила лодка с двумя рыбаками. Они ждали смерти. Но смерть не являлась. Точно и она позабыла об этих двух душах.

Но когда лодку прибило к острову Аур и островитяне вытащили Каду и Эдока, тут-то смерть вплотную приблизилась к ним: жители Аура решили убить чужеземцев. К счастью Каду и Эдока, которым уже вовсе не хотелось умирать, подоспел тамон, старшина Тигедиен — седой, грузный, властный. Тигедиен велел перенести спасенных в свою хижину.

Так закончилось страшное плавание двух рыбаков. Если бы подобное произошло с европейцами, имена их

прогремели бы, о них бы писали книги, они бы сами написали книгу. А Каду и Эдок просто-напросто зажили в хижине Тигедиена, заменившего им отца. Тамон был доволен: молодые люди оказались послушными, трудолюбивыми, сметливыми. Особенно Каду, невысокий крепкий, с красивым лицом, украшенным небольшой бородкой...

Вечерами, когда океан ворочается и тихо вздыхает, когда широкая лунная полоса бежит из темной водной дали к берегу острова, а пальмы что-то лепечут над хижинной Тигедиена, Каду часто рассказывает внимательным слушателям о далеких Каролинах, о белых людях, что приплывали на его родину в больших парусных лодках... И тогда слушатели Каду думают о широте мира, о том, что на свете есть не только островки, лежащие вокруг Аура. И мир уже кажется им большим, как небо, что светило своими островками-звездами высоко-высоко над хижинной, над пальмовым лесом, над засыпающим океаном.

Каду жилось не хуже и не лучше, чем всем островитянам. Но, верно, лишь в его голове с тугим узлом жестких волос на макушке бродили думы о дальних странах.

О, как ему хотелось уплыть на большой парусной лодке, как ему хотелось увидеть другие земли.

Но шли годы, а большие лодки белых людей все не показывались ни далеко в море, ни близ берегов. И Каду-мечтатель жил на острове Аура вместе с другом Эдоком в хижине Тигедиена...

В тот день (будь у туземцев наш календарь, они бы считали, что наступило 23 февраля 1817 года) Каду работал в лесу. Солнце почти не пробивало густую зелень. Каду работал, и его сильные мышцы так и ходили под смуглой кожей.

Вдруг громкие тревожные крики заставили Каду взглянуть из чащи. Трое островитян бежали к нему, размахивая руками.

— Каду! — кричали они, — Каду, скорее! Эллип-оа! Эллип-оа!

Услышав «эллип-оа», Каду вздрогнул и пустился бежать навстречу товарищам. Они прибежали на берег. Там уже собрались все жители Аура. Каду замер: двухмачтовый корабль медленно подходил к острову; закатное солнце окрашивало его паруса легким пурпуром.

— Эллип-оа,— прошептал Каду,— большая лодка...

Да, это была «большая лодка» его тайных грез. Вот она наяву, доподлинная, зримая! Она все ближе. Быстрее к ней! Быстрее!

Островитяне окружили корабль. Там были белые люди. Много белых людей! Один из них наклонился и закричал приветствия на знакомом островитянам языке. Туземцы, осмелев, начали подниматься на борт корабля; впереди других — Каду, за ним Эдок.

Корабельный «тамон» подошел к островитянам, ткнул себя в грудь пальцем, сказал:

— Коцебу.

— Тотабу,— радостно повторили островитяне, кивая головами.

Потом тот, кого звали Тотабу, показал на другого белого, одетого, как и он, в красивую куртку с блестящими пуговицами, и сказал:

— Шишмарев.

И островитяне, немного запнувшись, но все также улыбаясь, повторили:

— Тимаро.

А Тимаро — его круглое добродушное лицо совсем по-добрело — назвал третьего, голубоглазого, с длинными шелковистыми волосами, такими на вид мягкими, что Каду хотелось тронуть их рукой:

— Шамиссо.

И островитяне дружным радостным хором протянули:

— Тамиссо-о-о.

Так познакомились путешественники брига «Рюрик» с островитянами острова Аур.

* * *

Кончался уже второй месяц плавания капитана Коцебу среди только что открытых им тропических островков. А с того дня, как он оставил Берингов пролив, минуло полугодие...

Немало сот миль избородил за это время парусник скиталец морей. Был он и на острове Уналашке, где капитан уговорился со служителями Российско-Американской компании о подготовке байдар и алеутов для будущего северного похода; был он и в Сан-Франциско; посетил бриг и Гавайские острова, и моряки сделали первую опись

Гонолулу, этой прекрасной, широко ныне известной гавани. Покинув Гавайи, капитан поспешил туда, где океан так щедро одаривал его неведомыми островами.

Не русский дед-мороз, а владыка морей Нептун принес «Рюрику» новогодний подарок: в первый день января 1817 года открылся низменный лесистый островок. Коцебу так и назвал его: остров Нового года. И точно так же, как в восемьсот шестнадцатом, так и теперь, рассыпались перед «Рюриком» островные группы.

Январь и февраль текли в непрерывных открытиях: атоллы Румянцева (Вотье), Аракчеева (Малозлап), Траверсе (Аур) и Крузенштерна (Аилук) в коралловой группе Радак и атолл Чичагова в группе Ралик...

Плавание среди них было очень трудное — отменные берега, коварные рифы и банки. Требовались постоянная настороженность, быстрота маневра, оправданный риск. У Коцебу порой дыхание захватывало от опасностей, подстерегавших «Рюрик». И боязно и радостно было одолевать столько преград! Хорошо еще, что на Глеба Шишмарева он мог положиться, как на самого себя. И главное — матросы никогда его не подводили.

Где бы ни бросал якорь бриг, его тотчас окружали лодки. Нагие, татуированные синими четырехугольниками, островитяне приветливо размахивали пальмовыми листьями, зычно трубили в большие раковины. Они предлагали гостям кокосовые орехи и бурно ликовали, получая взамен «мёлль» — куски старого железа.

Когда же моряки и ученые сходили на берег, радушие островитян возрастало. Трогательно глядеть было, как радовались они, принимая белых людей. А ведь островитяне не были богаты. Кокосовые орехи, плоды хлебного дерева и пандана; рыбы очень мало; дичь на островках не водилась вовсе.

Но вот эти загадочные белокожие существа начинают проделывать что-то сверхъестественное. Во главе со своим Тотабу они везут на островки каких-то страшных бородатых и рогатых животных, тупорылых визжащих чудищ, птиц, которые, однако, не могут летать, как, например, чайки, да и кричат по-другому. Потом и сам Тотабу и его друг Тамиссо терпеливо объясняют островитянам, что это за животные (козы, свиньи, куры) и какой от них прок. А матросы строят небольшие загоны и учат туземцев ухаживать за животными. Ну, чем же иным, как

не сверхъестественными существами могли казаться островитянам люди с «большой лодки»?

Да и впрямь не чудесно ли, что бывший рязанский или калужский мужик толковал «дикарю» Южного моря о пользости домашнего скота и птицы? И разве не чудесно, что ученый Шамиссо, засучив рукава, брал лопату, вскапывал огород, сажал семена? А ему ревностно помогали и офицеры, и штурманы, и матросы, помогали заводить огороды и сады для жителей островков, заброшенных в полуденных даях Великого океана...

Как было островитянам не признать в этих белых могущественных людях заботливых добрых друзей! Уплывая от одного атолла к другому, путешественники знали, что оставляют о себе долгую и хорошую память.

«Рюрик» уплывал. Те же, кто смотрел на него с берега, провожали бриг глухим барабанным боем, протяжной прощальной песней, и в ней часто упоминались имена Тотабу, Тамиссо, Тимаро... Эта песня-сказание будет передаваться из поколения в поколение.

* * *

Так было и на том острове, где в хижине, осененной пальмами, прожили несколько лет два каролинца — Каду и Эдок. Но на острове Аур случилось необычайное происшествие, в одинаковой степени удивившее и мореходов «Рюрика» и островитян.

При первом же свидании с жителями Аура, один из них отвел Коцебу в сторонку и сказал:

— Тотабу! Я остаюсь у тебя, куда бы ты ни пошел!

Капитан опешил. Такого еще не бывало. Недоумение его разделяли все спутники. Мелькнуло подозрение, что туземец решил украсть что-нибудь, а ночью улизнуть с корабля. Однако, поглядев на его открытое, честное лицо и подумав, что можно ведь и присмотреть за малым, Коцебу согласился.

Этим туземцем был, конечно, Каду. Получив согласие «тамона», как он именовал командира корабля, Каду сказал товарищам, что навсегда остается на «эллип-оа», на большой лодке белых людей.

Теперь опешили островитяне. Опомившись, начали они с жаром убеждать Каду не делать этого. Но тот смеялся и отрицательно качал головой.

Не послушал он и увещаний Эдока, взывавшего и к его дружеским и к его родительским чувствам: на островке оставался маленький сын Каду. Исчерпав словесные доводы, Эдок попробовал увлечь земляка силком. Каду хмуро оттолкнул его, и Эдок, не удерживая слез, спустился с брига в свою лодку.

«Рюрик» стоял у острова Аур несколько дней. Каду и не думал воровать. Матросы наперебой дарили ему разные вещицы. Каду принимал их с признательностью, но видно было, что не в подарках для него вся радость. Правда, когда капитан дал ему желтую шинель и красный передник (каково сочетание!), он, невзирая на жару, немедля облачился. В новом роскошном наряде он горделиво похаживал по палубе, вызывая мучительную зависть островитян.

Перед отплытием с Аура Каду отдал Эдоку все полученные им на корабле богатства, обнял друга и заплакал. Как ты ни смел, а нелегко отрывать сердце от родного и близкого!

Появление на бриге Каду принесло большую радость капитану и ученым. Что могло быть лучше для изучения языка, нравов и обычаев жителей островных групп?!

Но Каду не только рассказывал, но и расспрашивал. Все интересовало его на большой лодке: и назначение каждого паруса, и внутреннее устройство, и оружие, и подзорная труба, и золотые часы капитана с мелодичным боем и быстрым бегом секундной стрелки...

С первых же дней пребывания на корабле Каду оказал путешественникам значительные услуги: он явился отличным посредником при знакомстве моряков и ученых с жителями соседних островков. В поведении его было немало юмористического, и капитан и его спутники с добродушными улыбками наблюдали за Каду в роли дипломата.

Миссия Каду начиналась так. «Рюрик» бросает якорь подле какого-нибудь островка; бриг тотчас окружают лодки туземцев. Каду в своей новой яркой одежде становится на шканцах. Островитяне узнают его и не узнают. Слышится долгое, протяжное, изумленное «о-о-о», вопросы, восклицания.

Каду, снисходительно поглядывая на островитян, приглашает их подняться на борт. Те боязливо отнекиваются. Каду уговаривает, смеется над трусостью прежних товарищей. Наконец, туземцы соглашаются. Каду водит их

по кораблю. Все с тем же снисходительным, несколько насмешливым видом показывает им большую лодку.

Затем вместе с островитянами он отправляется на берег для продолжения беседы. Конечно, после простран-ных и, быть может, не совсем точных повествований Каду моряков «Рюрика» принимают с особым радушием, а са-мого Каду считают необыкновенным человеком и великим странником.

Но похождения Каду еще только начинались.

* * *

Пора уж было возвращаться на остров Уналашку, за-бирать байдары и двигаться на север, в Берингов пролив. Там, согласно «Начертанию путешествия для открытий...», надлежало совершить сухопутную экспедицию и еще раз попытаться найти тихоокеанское начало Северо-Западного прохода.

Не желая злоупотреблять доверием Каду, капитан позвал его в каюту.

— Слушай,— сказал Коцебу,— мы, может быть, ни-когда не придем к твоим островам. Нашу «эллип-оа» ждет очень длинное и тяжелое плавание. Не хочешь ли ты остаться? Подумай. Я не стану тебя неволить.

Каду шагнул к капитану, обнял его:

— Я буду с тобой, тамэн, до самой смерти.

Коцебу был тронут.

— Хорошо. Пусть так. Я заменяю тебе отца.

И Каду-островитянин отправился в плавание на боль-шой лодке белых людей.

А спустя несколько недель ему пришлось стать очевид-цем дурного события, оказавшего влияние на всю даль-нейшую жизнь Отто Евстафьевича Коцебу...

Уже дня два дул пронзительный холодный ветер. В небе громоздились, налезая друг на друга и клубясь, тяжелые тучи. Океан пенился. Надвигалась буря.

Каду приуныл. Он мало показывался на палубе, все больше сидел в офицерской каюте. Ему думалось, что То-табу сбился с дороги, что большую лодку ждет участь, испытанная некогда его рыбацкой ладьей.

Буря грянула под 44°30' северной широты и 178°52' восточной долготы. «Рюрик» застонал всеми шпангоутами. Громадные волны, с легкостью великанов, затеявших игру

в бирюльки, швыряли 180-тонный бриг. Валы прокатывались по кораблю, грозя исковеркать надстройки, сломать мачты.

И один из них оказался роковым. Свинцовый, кипящий, мощный, он рухнул на палубу, сбил с ног капитана, ударил его грудью обо что-то острое и пронесся дальше, все круша на пути. Коцебу потерял сознание...

Это было 13 апреля, 13 апреля 1817 года.

Капитан долго недвижимый лежал на койке. Доктор Эшшольц хлопотал у его изголовья. Каду, окаменев, сидел у его ног. «Тамон, Тотабу», — шептал он, всматриваясь в бледное лицо своего покровителя.

Коцебу все же поднялся. Он даже вышел из каюты. Буря промчалась. Тучи, спеша и толкаясь, гурьбой валили на юг. Небо светлело.

На брига исправляли повреждения. Шишмарев, не спавший несколько ночей, сбивался с ног. Матросы, еще полные впечатлений от недавней борьбы со штормом, были сосредоточены и молчаливы. Коцебу отдал несколько распоряжений, пожал руку Глебу и негромко сказал матросам:

— Спасибо, братцы, за ваше мужество.

И ушел в каюту: опять стало худо, болела грудь, тошнило, голова шла кругом.

Тринадцатое апреля навсегда запомнилось Отто Евстафьевичу. С того дня здоровье его надломилось. Впрочем, он еще надеялся на полное избавление от хвори. Надеялся и ждал. Бывало, он чувствовал себя вполне бодрым и сильным. Пстом опять... опять мучительные боли, кровохарканье, тошнота. Доктор Эшшольц внушал капитану, что все образуется. Его преувеличенный оптимизм беспокоил Отто Евстафьевича. Уж эти медики!

Несмотря на частые штормы, плавание проходило успешно, и бриг приближался к острову Уналашка. Однако Каду, обрадованный тем, что его «тамон» выжил, вскоре снова загрустил: мрачные мысли неотвязно его тревожили. Каждый день, думал он, белые люди едят мясо. Они достают его из бочек. Мясо там в очень больших кусках. Это человеческое мясо. Значит, правы те, кто говорил, что белые люди едят черных. Значит, наступит и его очередь быть съеденным. О-о-о...

А на корабле никто и не догадывался о причине его тоски.

Как же он возликовал, завидев остров, покрытый лесом и скалами. Над островом поднимались дымы. Там есть люди. Может быть, теперь не съедят Каду...

Он позабыл недавние страхи. Что за остров! Пальм нет. Холодно. Плохо. Зато очень хорошо иное: оказалось, что мясо, которое белые люди доставали из бочек, не человеческое, а огромных толстых животных. Тотабу называет их «бык»... Бык — это очень хорошо. Быка будут есть, а не Каду... И путешественник с острова Аур повеселел. Ему уже нетерпелось плыть дальше, туда, где, как сказывали ему матросы, летают белые мухи и лежит белая земля. Белые мухи? В это еще можно поверить. Но белая земля? Нет, вот в это он уж никак не верит...

Остров этот был Уналашка. Правитель Российско-Американской компании Крюков давно уж поджидал «Рюрика»: байдары, провизия, алеуты — все было готово для северного похода Коцебу. Все, только не он сам.

Только не он сам: 13 апреля, буря, болезнь. И все же капитан приказывает поднять якорь. Мозолистые, мускулистые руки матросов ставят паруса. «Рюрик» в море. С волны на волну. Вперед, на север! Капитан Коцебу бросает перчатку судьбе.

В июле бриг вторично появляется у берегов острова Св. Лаврентия. Ох нет, решает Каду, чудеса никогда не кончатся! Капитан Тотабу показывает ему на каких-то двуногих мохнатых зверей и уверяет, что это тоже люди: им, мол, холодно и они надевают шкуры.

Не отставая ни на шаг от своего покровителя, верный Каду следует за капитаном. Они съезжают на сушу. Каду шепчет капитану, что у тех, у мохнатых, в руках спрятаны ножи. Каду сам достает нож. Он не даст Тотабу в обиду. Пусть лучше убьют его, Каду.

Впрочем, все обходится благополучно: бисер, подаренный островитянам, располагает их в пользу пришельцев. Переводчик-алеут узнает, что море вокруг острова совсем недавно очистилось ото льда. Следовательно, Берингов пролив еще забит им. Известие это неприятно поражает Коцебу.

Но он опять приказывает поднять якорь. Он еще не сдается. Однако путь не долг: на севере до горизонта расстилается ледяное поле. Каду обмер. Так вот она, белая земля!

Пути не было. Ждать? Коцебу наверняка ждал бы.

Но была буря, разбившая его грудь. Она разбила и его надежды.

О, Каду еще не видел Тотабу таким мрачным. Что его заботит? Мясо есть, большая лодка исправна... Капитан скорыми шагами уходит в каюту. Каду скользит за ним. Усаживается на пол, в уголку. Сожалеючи глядит на капитана. Что его печалит? Не поможет ли Каду? Но Тотабу не замечает темнокожего друга.

Капитан мрачен. Его трезвый уравновешенный ум спорит с сердцем. Ум доказывает, сердце не соглашается. И пока длится этот спор, перед мысленным взором проходит жизнь.

Краткая в сущности жизнь — двадцатидевятилетняя... Мальчик из Ревеля, дворянская небогатая семья. Он второй сын писателя Коцебу. Отец вечно кочует с места на место, а сына определил в Петербург, в 1-й кадетский корпус *. Барабанная дробь, ружейные приемы, уроки... Тоска. Тут-то Иван Федорович Крузенштерн и берет его волонтером «Надежды». Осьмнадцати лет заканчивает он свое первое плавание. Славное плавание — первое плавание россиян вокруг света. А потом производство в мичманы и корабельная служба. «Орел» плывет из Кронштадта в Архангельск, и суровые, поразительно красивые фьорды Скандинавии плывут за бортом... опять Балтика, и он уже командиром транспорта, опять Белое море, и в его подчинении резвая яхта «Ласточка». И все эти годы — мечта о дальних походах, об исследованиях.

Боже мой, как счастлив был он всего лишь несколько лет назад. На крыльях носился из Ревеля в Або, из Або в Ревель... В Або строился его «Рюрик», в Ревеле набирал он матросов. И какие восторженные письма писал Николаю Петровичу Румянцеву, письма, полные надежды и веры... Ну что же, он добился многого. Никто из соотечественников, ходивших до него кругом света, не сделал так много для науки. Но главного... главного он не добился: Северо-Западный проход остается загадкой. Что же теперь? Отказаться? Воротиться?

Тяжелыми шагами прохаживается Коцебу по каюте. Каду неотрывно глядит на него. Но «тамон» все еще не

* Отец О. Е. Коцебу был довольно известным писателем (очень плодовитым, очень реакционным, и не очень талантливым). Во время плавания Коцебу на «Рюрике» он служил русским консулом в Кенигсберге.

замечает Каду... Капитан подходит к столику. Садится, нагибает голову. И долго сидит, опустив плечи.

— Тотабу,— слышится робкий голос из угла.

Коцебу поднимает голову, но не оборачивается. Он что-то пишет. Ум победил сердце. Медленно движется перо. Он пишет приказ. Каду молча смотрит на затылок его в светлых завитках волос, на ссутулившуюся спину.

Коцебу подписал приказ, поднялся и тут только заметил островитянина. Он поглядел на Каду влажными глазами, положил руки на его плечи и тихо сказал:

— Так-то, дружок...

«Болезнь моя,— рассказывал впоследствии Отто Евстафьевич,— со времени отплытия от Уналашки день ото дня усиливалась. Стужа до такой степени расстроила грудь мою, что я чувствовал в оной сильное стеснение, и, наконец, последовали судороги в груди, обмороки и кровохарканье. Теперь только уразумел я, что положение мое опаснее, нежели я доньше предполагал, и врач решительно мне объявил, что я не могу оставаться в близости льда. Долго и жестоко боролся я с самим собою; неоднократно решался я, презирая опасность смерти, докончить свое предприятие; но, когда мне опять приходило на мысль, что, может быть, с жизнью моею сопряжено сбережение «Рюрика» и сохранение жизни моих спутников, тогда я чувствовал, что должен победить честолюбие. В сей ужасной борьбе поддерживала меня единственно твердая уверенность, что я честно исполнил свою обязанность. Я объявил письменно экипажу, что болезнь моя принуждает меня возвратиться...»

БЕРЕГОВЫЕ ГОДЫ

Об армейцах, прошедших вместе огонь войны, говорят: однополчане. О флотских же говорят: соплаватели. Но служба корабельная тесно сближает людей и без войны. Такова уж она, эта служба, ибо таково море,

вечно бунтующее против человека, захватчика и покорителя...

Давно завершилось трехлетнее плавание «Рюрика» и угас тот светлый августовский день 1818 года, когда бриг положил якорь на реке Неве напротив большого барского дома, где жил Николай Петрович Румянцев. Давно опустели каюты: офицеры и ученые разъехались; опустел и кубрик: матросов отправили в ревельские экипажи. Да и сам двухмачтовый ходок продан Российско-Американской компании, и компания после солидного ремонта собиралась послать его для своих надобностей в Тихий океан, в Ново-Архангельск.

Давно уж, казалось бы, порвались те узы, что связывали моряков Коцебу. И все же, как выдаться свободный часок, сойдутся они и поминают былое.

Чаще всего зимой. Разоруженные корабли стояли в гавани. Работы кончались в сумерки. Вечера зимние, известно, бесконечны.

Сойдутся матросы в окраинной ревельской корчме, обсядут чисто отскобленный стол. Служанка — у девки толстые икры, шерстяная домотканная юбка, на белых щеках ямочки — принесет им кильку, ломти хлеба, хмельное ячменное пиво.

Жарко горит большой камин и отбрасывает на стены, на закопченные потолочные балки тени матросов: Петра Прижимова, Бронникова Фимы, Васьки Григорьева, Коптялова, Зыкова с Осиповым... Вот и зачинай разговор. То-то было времечко! И горя хлебнули полной чарой и свет божий увидели. Всего и не перескажешь. Одних штормов не счесть.

И непременно, как всегда на подобных сходках, то и дело слышится: «А помнишь?»

— А помнишь, Петруха, как ты в одночасье с их благородием именинником был?

И Петр Прижимов вспоминает 13 апреля, жесточайший шторм. Капитана расшибло, а ему, Петру, ногу переломило: «Вот и донине в сырость ломота донимает».

— А помните, братцы, Каду-то черного?

И матросы толкуют об островитянине, о том, как угваривали его поглядеть город Петербург, как он соглашался, а потом (возвращаясь в Россию, «Рюрик» вторично посетил группу Радак) вдруг решил покинуть бриг.

— Да и у любого б сердце дрогнуло,— рассуждает белобрысый дюжий Зыков, посасывая кильку.— Как сказали ему земляки, что сынок его все кличет, плачет да по лесу ищет... Тут, мил человек, камень глиною станет. А как убивался, что нас оставляет. Ведь все просил, чтобы когда-нибудь приплыли за ним!

О радакских островах матросы любят рассуждать подробно — и о разведении огородов, и о благодарности туземцев, и об общей печали при расставании. Особое удовольствие звучало в этих воспоминаниях; удовольствие простых людей, сделавших добро простым людям. И еще особая, немного грустная ласка: там, на зеленых островках посреди синего океана-моря, проснулась в матросских душах родовая, задавленная и заглушенная годами службы привязанность к земле, к земледельческому труду и деревенской домовитости...

На дворе мороз. В корчме же березовым жаром пылает камин. За одним столиком гуляют русские ямщики, ценители достоинств и дешевизны ревельской водки, за другим — играют в кости, дымят трубками бритые подмастерья-немцы, за третьим — беседуют наши матросы.

Они хорошо знают друг друга. Они хорошо знают все происшествия на «Рюрике». Но теперь, когда дни их полны уже не опасностями, а работами в гавани (ее обновляли и расширяли, рассчитывая на двадцать семь военных кораблей), караулами в стужу, унтерскими зуботычинами, фрунтовым учением, теперь нет для них большего удовольствия, как перебирать ушедшее. Мелькают в их речах имена островов, проливов, портов, пахнущие заморскими далями, малайскими острыми яствами, английским огненным ромом. Тут назовут и гавань Кавиту — она чуть южнее Манилы — где чинили «Рюрик» на возвратном пути; назовут и остров Банка в Яванском море, где пираты, подкравшись в кромешной тьме, едва не взяли бриг на бордаж, да они, матросы, успели отбиться пушечным огнем; назовут и Индийский океан (произнесут — Индейский), и штормы у мыса Доброй Надежды...

Многое вспоминают матросы. И нет такой сходимости, чтоб кто-нибудь не спросил:

— Слышь, Петруха, наш-то как? Давно у него был?

«Наш» — это капитан, Отто Евстафьевич. Петр Прижимов иной раз заглядывал в его дом и выпрашивал

денщика о здоровье, о делах капитана. Денщик, зная, что барин благоволит к старым служителям-матросам, рассказывал.

— Наш-то? — переспросит Прижимов для пущей важности. — Наш, ребята, недавно лотировку прошел, их высокоблагородием стал. Все больше дома сидит: пишет! Святого Владимира да Святого Георгия получил...

Матросы выходят из корчмы. Мороз к ночи нажимает пуще. Луна светит в туманном кольце. Неверный свет ее поблескивает на черепичных крышах, на заиндевевших узорных оградах. Где-то в узеньких улочках позвякивает колоколец запоздалого извозчика. Окна домов мерцают огоньками. Домов в Ревеле без малого две тысячи. В одном из них живет капитан, мореплаватель Отто Евстафьевич Коцебу.

Матросы бредут в казарму, снег скрипит под сапогами.

* * *

На столе горели свечи. Исписанные листы лежали аккуратно стопкой. Рядом, на другом столе, была прикреплена карта, вычерченная набело и еще не просохшая.

Наискось по бумаге бежала тень гусяного пера. Он писал:

«Неустрашимое мужество служителей и твердость духа их в пренесении трудностей службы всегда меня радовали; поведение их было примерное, и везде, как в местах известных, так и в странах чуждых, видно было тщательное их старание предотвратить всякое дурное на счет их мнение».

В соседней комнате умолк клавесин, оборвав прозрачный четкий концерт Фильда, и молодой женский голос позвал:

— Отто! Пора, милый, ужинать.

— Иду, — ласково отозвался он. И дописав: «Таким образом, и самое затруднительное предприятие, совершаемое с русскими матросами, обращается в удовольствие», поднялся потягиваясь и положил лист в стопку.

Отто Евстафьевич Коцебу был в отличном расположении духа. Не мало же, черт побери, успел он за полгода. «Рюрик» вернулся в августе, а нынче конец января. Он за это время обдумал, написал и доложил сперва Румянцеву, а потом морскому министру маркизу де Траверсе

свой прожект. Да еще в декабре свадьбу сыграл. Как говорится, наш пострел везде поспел!

Закончив плавание, бывший командир «Рюрика» с той же энергией, с какой он вел бриг по трем океанам, принялся за составление новых планов, клонящихся, как выражались в его эпоху, к вящей славе государства и науки.

В Петербурге он свиделся с Николаем Петровичем. Тот показал ему прошлогоднюю переписку с Крузенштерном (Ивана Федоровича в столице не было; он трудился над «Атласом Южного моря» в своем эстонском имении). В тех письмах Румянцев и Крузенштерн рассуждали о будущей отправке «Рюрика» и «нашего молодого мореходца», как называли они Коцебу, в другой вояж для отыскания Северо-Западного прохода. Но уже не со стороны Тихого океана, а из Атлантики. Однако вояж этот отложен ими по причине снаряжения подобной экспедиции английским правительством.

Тогда-то Коцебу и высказал Николаю Петровичу свою идею. Она состояла в организации двух одновременных путешествий. Одного по следам «Рюрика» из залива Коцебу далее на север. Другого к Южному полюсу, в Антарктиду. Старик загорелся и велел «молодому мореходцу» изложить скорее все на бумаге.

Коцебу управился быстро. Благо работать пришлось не в Петербурге, а в тишине и покое его маленького имения, на мызе Макс. Потом он помчался в столицу. Николай Петрович ознакомился с его прожектом. Старик ничего не сказал: он молча расцеловал Отто.

Через день-другой была аудиенция у морского министра. Какой же он милый и обходительный! Маркиз — сама вежливость... Что это там толкуют об его двоедушии? Чушь... Правда, были некоторые огорчения. Только не от маркиза. Сарычев неприязненно косился на лейтенанта. А он, Коцебу, так его высоко ценит. Бог ему судья. Видать, нелады у Гаврилы Андреевича с Крузенштерном. Вот и косится на ученика Ивана Федоровича...

Как бы там ни было, министр заверил лейтенанта: ежели задуманная экспедиция состоится, господин Коцебу получит корабль. Отлично! Большого и не надо.

А пока суть да дело назначили Отто Евстафьевича в Ревель офицером для особых поручений при его прежнем начальнике адмирале Спиридове.

В январе 1819 года моряк с молодой женой перебрался с мызы Макс в Ревель. В том же месяце состоялось то, что матрос Петр Прижимов называл «лотировка», то есть баллотировка *, и командир «Рюрика» был признан достойным «эполет с висячими», то есть стал капитан-лейтенантом. Тогда же получил он и ордена.

Все складывалось превосходно. Зимой он должен писать книгу о походе «Рюрика», а в июле или в августе, глядишь, снова уйдет в дальнейшее плавание.

Книга о путешествии «Рюрика»... О многом хотелось бы посоветоваться с Шамиссо, но тот уехал в Берлин и, верно, уже сочиняет отчет по части натуральной истории. Хорошо бы приложить и рисунки Хориса. Но и он далече: укатил в Париж совершенствоваться у тамошних живописцев. Впрочем, надо полагать и Логгин не останется в долгу. Один лишь Иван Эшшольц рядом: читает лекции по зоологии в Дерптском университете.

Начальник, адмирал Спиридов не ахти как тревожил Коцебу. Отто Евстафьевич сидел в уютном тепле ревельского дома и работал над книгой. Писал с увлечением. Отрывался лишь вечерами — с женой поболтать или разложить пасьянс.

Что за прелесть этот размеренный, каждодневный труд! Вновь переживаешь дни путешествия, вновь видишь и своих спутников, и острова, внезапно возникавшие на океанском просторе, и темные волны Берингова пролива, и уходящий в обманчивую даль гористый берег зунда Коцебу...

И потом пишешь и знаешь, что тебе, автору, нет нужды до издателей и книгопродавцев. Ведь для многих сладкие и мученические часы сочинительства еще полдела, а затем начинается унижительное хождение к типографам, уговоры торговца взять книгу на распродажу. Вот как было, к примеру, с товарищем Крузенштерна Юрием Федоровичем Лисянским. На свои деньги — и какие деньги! — пришлось ему выдать в свет замечательное творение.

А Коцебу? От него требуется добросовестность. И все. Петербургский литератор и типограф Николай Греч выправит стиль, граф Румянцев субсидирует издание.

* Повышение в чинах от лейтенанта до контр-адмирала производилось тайным голосованием офицеров-сослуживцев.

И Отто Коцебу трудился, трудился добросовестно, со тщанием.

В феврале, в метельные, обильные снегопадами дни пришлось, правда, сделать небольшой перерыв: его вызвали в Петербург, в Адмиралтейство, и министр — милейший маркиз — снова вел с ним переговоры о будущей экспедиции в Берингов пролив, говорил, что и к Южному полюсу пойдут корабли и снова уверял, что капитан-лейтенант Коцебу не засидится на суше... Отлично! Чего же боле?

Близилась весна, хотя было то время, когда

Еще дуют холодные ветры
И наносят утренни морозы...

Но рассветные заморозки сменились капелью. Снег в ревельских садах сделался ноздреватым, пористым. С крыш скатывались звонкие струйки, наполняя мутной талой водой зеленые бочки, поставленные под желобами на углах домов. Воздух влажнел. Воробьи кричали нагло, бесшабашно. Весна входила в город. В каждый дом. В каждую душу.

* * *

Весна вторглась в Ревель и завладела им. Но Коцебу не заметил ни солнечного блеска, ни оживших деревьев, ни теплой ясности неба.

Все рухнуло, все пропало. Если от цели отвращает тебя болезнь, это одно. Если же тебя губят адмиралтейские интриги, то это другое. Совсем другое! Эх, маркиз, маркиз, обольстительнейший маркиз...

Соболезнования жены раздражали. Знакомые офицеры поглядывали насмешливо. Так ему по крайней мере казалось. Да и у многих из них нет оснований питать к нему привязанность: ведь он, Отто Коцебу, не раз выговаривал им за дурное, граничащее с жестокостью отношение к матросам.

В начале мая он ненароком набрел на уединенное местечко. Там была кирка, окруженная каштанами. По утрам она пустовала. Лишь органист, внешне суровый, с насупленными седыми бровями, напоминавший старинных немецких музыкантов, играл в одиночестве. Коцебу не входил в кирку, а садился под каштаном, на низенькой каменной скамеечке. И слушал, слушал...

Мужественные фантазии. Быть может, то была музыка кого-то из сыновей Баха. Коцебу не знал... Он знал только, что эти аккорды, эти звуки, мощные и нежные, охватывают его душу, вытесняя горечь и боль...

В один из этих же майских дней тот, кого Отто считал своим отцом, писал петербургскому моряку и историку Василию Берху.

«Вам, конечно, известно,— писал Крузенштерн с эстонской мызы Асс в столичное предместье Бугорки,— что ныне готовятся две Экспедиции для открытия. Первая состоит из двух судов Восток и Открытие, отправляется по собственной воле Его И. В. к Южному полюсу. Кажется, оною будет командовать мой Фаддей Фаддеевич, за ним уже послано. Я думаю сие назначение против воли Сарычева, потому только, что словесно, и письменно Министру многократно представлял, что только ему можно поручить такую важную Экспедицию. Вторая Экспедиция Благонамеренный и Мирный идет в Берингов пролив для продолжения открытий, деланных на Рюрике; я сильно настаивал на то, чтобы сия экспедиция была поручена Коцебу, ибо не уповательно, чтобы другой мог иметь равное поревнование к конечной удаче начатого им предприятия; но назначили его лейтенанта Шишмарева, хотя Коцебу в феврале месяце был призван в Петербург и обнадежен Министром в Командовании сей Экспедицией; я сие приписываю Сарычеву, имеющему сильную ненависть ко мне и с возвращения Рюрика также и к Коцебу. Из сего обстоятельства заключить следует, что путешествие г. Коцебу сделано было с успехом».

* * *

Июльским днем 1819 года суда южной и северной экспедиции простились с Кронштадтом. Ровно через сутки они прошли на траверзе Ревеля. И верно, один лишь Глеб Шишмарев (он шел на «Благонамеренном» в северной «дивизии» капитан-лейтенанта Васильева) взглянул в ту сторону, где был город его друга и подумал о том, каково же теперь у Коцебу на сердце...

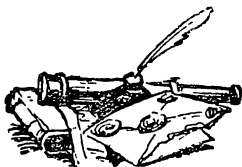
Кто бы ни был виноват, но Отто Евстафьевич Коцебу, дважды «кругосветник», заслуженный водитель кораблей, остался на берегу.

Внешне он был спокоен. Жил, как раньше: получал изредка «особые поручения» от адмирала Спиридова, обедал, прихлебывая гохгеймское вино, обменивался письмами с Крузенштерном, заканчивал книгу о путешествии на «Рюрик», книгу, которой вскоре заинтересуются ученые Европы. Да, внешне он был спокоен...

— Наш-то как? — осведомлялись порой бывшие матросы двухмачтового брига у Петра Прижимова.

— Наш-то... — отвечал тот. — Наш, братцы, туча-тучей. Денщик рассказывает: смеется иной раз, а все не так, как прежде... Что денщик. Я сам намерен встречать нашего в гавани. «Эй, — кричит, — Прижимов, подойди-ка». Подхожу. Спрашивает, как жизнь, как служба. Отвечаю по форме. Потом он мне: «а пошел бы, мол, со мной еще раз кругом свету?» — «Рад стараться, ваше высбродие», — отвечаю. А он мне: «И я бы рад стараться, да...» И рукой махнул.

Год, другой. Береговые годы. Прожитое, что пролитое — не воротишь.

ТРЕТИЙ КРУГ

Граф провел лето в излюбленном гомельском поместье (там гнули на него хребет два десятка тысяч крепостных), а осенью 1823 года приехал в Петербург. Большая карета с гербами на дверцах, забрызганная грязью, подкатила к дому на Английской набережной, и началась суета, обычная при его приездах и отъездах.

Николай Петрович, вытянув перед собой руку, как делают люди очень старые, неуверенные в движениях, осторожно вылез из кареты, вздохнул, с неудовольствием глянул на сильно обветшавший фасад, на окна, залитые дождем, поморщился: «Дом совсем не гош, больше сорока лет не обновлялся... И погода — экая мерзость».

Разбитый дорогой, он долго не мог уснуть, однако на следующее утро поднялся по обыкновению рано. Камердинер обтер его сухую, поросшую седыми волосами грудь и сгорбленную спину холодной водой, принесенной в серебряном тазике, и Николай Петрович, почувствовав себя в том бодром и свежем состоянии, которое он так любил, велел подать кофий в кабинет. .

Стены большого кабинета были уставлены изящными, с тонкими бронзовыми накладками шкапами. В них мерцали золотом корешки фолиантов. В этом тихом мерцании Николаю Петровичу всегда чудился отсвет книжной мудрости. Он, улыбаясь, мягко ступая шевровыми полусапожками, походил у шкапов, отворил дверцы, погладил теплую кожу переплетов и, совершив смотр, уселся за стол.

Почта уже успела накопиться, хотя немалое число пакетов было переслано ему в Гомель. Румянцев, как и встарь, поддерживал историков, археографов, как и встарь, с живостью откликался на всякую интересную находку, будь то рукопись, обнаруженная в захолустном монастыре, будь то древняя плита с непонятной надписью, будь то темная икона, под вековой пылью которой таилось удивительное мастерство неизвестного живописца.

Подумав о том, что рукопись — о ней ему сообщали в одном из писем — стоит приобрести, снабдить комментариями и напечатать, Румянцев вдруг грустно усмехнулся: «Господи, да мне уж семь на десять, а все хлопоту. И главное — еще очень хочу хлопотать!..»

Старик задумался о судьбе своих коллекций — этнографической, значительную часть которой привез «Рюрик», и исторической, — о судьбе богатейшего книжного собрания, давно открытого для каждого желающего... «Тесно стало в доме, — думалось Николаю Петровичу, — надо бы перестроить, расширить, умру, так чтоб все в надлежащем расположении оставить. Для общей пользы откажу».

Николай Петрович углубился в размышления, забыв о письмах и о коллекциях, в размышления, какие возникают у человека его возраста при мысли о завещании, о скорой смерти...

Когда ему доложили о приходе капитан-командора господина Крузенштерна, он несколько мгновений молча

смотрел на слугу, точно возвращался из потустороннего мира, и вдруг тряхнув головой нетерпеливо сказал:

— Что стоишь? Проси! Да принеси-ка нам кофию.

Слуга отворил дверь, Иван Федорович вошел, поклонился. Старик обнял его, усадил.

— Когда приехали? — спросил Румянцев, но, заметив удивление Крузенштерна, спохватился и сказал просто, по-стариковски:

— Прости... Запомню. Ведь вы, Иван Федорович, давно из Эстляндии своей переселились?

Крузенштерн кивнул — скоро год, как был он постоянным членом Адмиралтейского департамента и постоянно жил в столице.

Разговор зашел о делах флотских. Иван Федорович говорил громко, раздельно: Румянцев после апоплексии оглох, теперь, правда, уже слышал, но очень смутно. Крузенштерн рассказывал ему о последних новостях, о передвижениях должностных лиц, о недовольстве моряков повсеместным казнокрадством и неспособностью высшего начальства.

Николай Петрович слушал, приставив к уху рожок и чуть накренившись.

— И-и, батюшка,— сказал он, с некоторой брюзгливостью,— в нынешнем царствовании не знаю ни одного дельного министра морского. Был, помните, Николай Семенович Мордвинов, человек достойный, хоть и слишком к английским правилам склонный, да и тот не долго выдержал... Тут бы, милый друг, дубиной Петра Великого замахнуться!

Румянцев помолчал, пожевал губами.

— Иван Федорыч,— сказал он, наконец,— а как же наш молодой мореходец? Я видел его перед отъездом в Гомель. Сперва он из Ревеля письмом обрадовал. Единая, говорил, смерть меня удержать может от того, чтоб решить вопрос, не решенный «Рюриком». Единая смерть! Каков молодец! Да... А потом весной, будучи в Петербурге, собственной персоной пожаловал. Хорош был! Точно воскресший из мертвых. Что ж теперь? Где он?

— Ну-с, после того многое опять переменялось,— хмуро отозвался Крузенштерн.— И переменялось к худшему.

— Как так?

Крузенштерн рассказал.

Его сиятельство, верно, помнит, что шлюп «Предприятие», тот, что на Охте строили, был поначалу назначен для доставки грузов Российско-Американской компании в Камчатку и для пресечения контрабандной торговли и промыслов иностранцев у американских берегов, принадлежащих компании.

Отто Евстафьевич был определен командиром шлюпа в январе месяце. Конечно, обрадовался: давно уж наскучил берег! А радость превратилась в восторг, когда государь повелеть соизволил послать для крейсерства отдельный фрегат, и, стало быть, у Коцебу высвободилось время для географических занятий.

Так вот. Коль скоро открылась эта возможность, решено было, что он, Крузенштерн, составит инструкцию. Он и составил. Не был забыт и старый вопрос, которым они так много занимались: вопрос о Северо-Западном проходе, об исследованиях севернее Берингова пролива. Ведь «дивизия» капитанов Васильева и Шишмарева, хотя и сделала немалое, однако не решила его. А к тому же из Дерптского университета были присланы Коцебу трое студентов, молодые ученые — астроном, физик, минералог. Кстати, наибольшие надежды, думается, можно возлагать на физика Эмиля Ленца, способнейшего и ревностного юношу.

Казалось бы, все сложилось отлично. И вдруг... Прости господи, не везет нашему молодому мореходцу! Вдруг отменяется посылка фрегата, и на «Предприятие» ложится прежняя задача: доставка грузов и крейсерство. Коли Отто Евстафьевич и поспеет что-либо предпринять по части ученых изысканий, то не в Беринговом проливе, а в Южном море.

— В последний раз,— закончил Крузенштерн,— виделся я с Отто в июле, когда государь был в Кронштадте и осматривал шлюп. Коцебу, разумеется, опечален переменой, но все, говорит, лучше, нежели в Ревеле ржаветь. Да вот еще на днях получил я от него известие. Из Англии. Титов, командир фрегата «Проворный», встретился с ним в Портсмуте: Отто догружал провизию и собирался выходить в Атлантику.

Румянцев выслушал, помолчал.

— Олухи! — сказал он с сердцем. — Ей-богу, олухи. Такому моряку ходу не дают. Да и господа компанейские хороши. «После нас — хоть потоп», — думают. Ни-

чего далее нынешнего барыша не видят. А об том, что не токмо для науки, но и для российской торговли надобно проход из Берингова пролива искать, нет, об том не мыслят.

Он встал, прошелся по кабинету. Золотое мерцание в шкапах утишило его раздражение. Он вернулся, сел в вольтерово кресло, вытянул ногу.

— А я вот что полагаю, Иван Федорыч. Давайте-ка мы с вами, батюшка, рюриково покушение продолжим. Только не откладывая в долгий ящик, не то... не то я сам, смотришь, в него ужогу.

Крузенштерн вежливо запротестовал: Николай Петрович-де еще столько же проживет, сколько прожил, но старик его оборвал:

— Нет, нет, что там, Иван Федорыч. Прошу ко мне в следующую пятницу, поговорим подробнее.

* * *

Их имена не значатся в летописях мореплавания. О них не пишут в книгах о путешествиях. Но когда ты, командир корабля, стоишь на шканцах и ощущаешь — не видишь, а именно ощущаешь всем своим нутром, — как 750-тонная трехмачтовая громадина, несущая более ста человек экипажа, пушки, боеприпасы, продовольствие, грузы, легко и плавно одолевает крутую океанскую волну, тогда ты не можешь не вспомнить терпеливых и сметливых тружеников, корабельных дел мастеров.

Добрый же шлюп соорудили они для похода Коцебу в Тихий океан и обратно в Балтику. И добрым словом помянул капитан-лейтенант тех, кто жил, не расставаясь с топором, пилой и отвесом, жил за Невой, в охтенской слободе.

Еще один парусник, сработанный их загрубелыми, покрытыми ссадинами руками, шел нынче в Атлантике, как ходили по морю корабли крепостных охтян со времен Петра Первого.

В октябрьский день (Крузенштерн и Румянцев сидели в тот день в кабинете дома на Английской набережной) шлюп Отто Коцебу «Предприятие» вошел в зону юго-восточного пассата и приближался к экватору.

Когда-то натуралист «Рюрика» называл бриг «маленьким миром». К «Предприятию» более подходило опреде-

ление одного русского поэта, воскликнувшего при виде фрегата:

— Что за великолепная махина, этот плывущий мир!

По тоннажу «Предприятие» равнялось четырем «Рюрикам»; на шлюпе в начале плавания числилось на восемьдесят четыре человека более, чем некогда на бриге. Трое из них вторично шли вместе: Коцебу, доктор Эшшольц и бывший матрос, а ныне шкиперский помощник Петр Прижимов, тот самый, что передавал сведения о Коцебу матросам в ревельской корчме.

Капитан «Предприятия» мог не опасаться, что останется с одним офицером, если кто-нибудь заболит. Теперь в его подчинении было четверо лейтенантов и восемь мичманов. У него были не только матросы, но и барабанщик с флейтистом, а для «духовных надобностей» — монах Александро-Невской лавры Виктор.

Уж подлинно «плывущий мир», мир со своей строгой иерархией, на вершине которой восседал их высокоблагородие капитан-лейтенант Коцебу.

И все же, думая о путешествии на «Рюрике» (в капитанской каюте, поместительной, удобной, со стенами из полированного дерева, отдельно от прочих книг и бумаг лежали все четыре издания его отчета об этом походе — русское, немецкое, английское, голландское), думая о годах странствия на этом маленьком судне, Коцебу не мог отделаться от мысли, что тогда он был счастливее. Да, счастливее... То было ученое путешествие. Этим все сказано.

Нынешнее же плавание служебное. Служебное? Что ж, по мере сил он постарается превратить его тоже в ученое. И ему есть на кого опереться!

Славный друг Эшшольц! Поистине подлинный натуралист: едва прослышал о новой «кругосветке», сразу же собрал пожитки и в путь. А ему было так покойно в светлых аудиториях Дерптского университета, и так размеренно текла его профессорская жизнь. Он же все тотчас променял на треволнения морского путешествия. О, Иван Фридрихович не удовольствуется, конечно, одним лишь врачеванием команды. Как и во время плавания на «Рюрике», Эшшольц займется зоологией и ботаникой. И, конечно, старый корреспондент Московского общества испытателей природы, корреспондент ученых обществ Женевы и Бонна сообщит коллегам немало нового и любопытного.

Хорошо, что Эшшольц не один на «Предприятии». От-
радно видеть вокруг себя, на палубе, в кают-компании
молодых энтузиастов науки: астронома Прейса, минера-
лога Гофмана, физика Ленца. Он, капитан Коцебу, всегда
предпочтет для дальнего плавания не маститых старцев-
ученых, а юношей. Пусть у них и знаний поменьше и
опыта, да зато более энергии, старания. И в корабель-
ном общежитии, в походных буднях приятнее иметь дело
с молодыми людьми.

Особенно по душе пришелся ему физик Эмиль Ленц.
Прямодушие и ум написаны на его серьезном лице.
Когда Эшшольц представлял этого юношу, тот зарделся.
Ну, точь-в-точь живописец Хорис в Кронштадте десять
лет назад. И нужно признать, дерптская профессура не зря
рекомендовала девятнадцатилетнего Ленца в дальний
вояж. Светлая голова у него! Кто знает, может когда-ни-
будь имя его будет знакомо любому школяру...

Размышляя о своих новых спутниках, Коцебу повесе-
лел: с такими он сумеет из плавания служебного сделать
и ученое. К тому же — не худо б помнить о сем его недру-
гам под шпилем адмиралтейским — он, капитан Коцебу,
начал третий круг, третье кругосветное путешествие.
Много ли еще найдется в российском флоте трижды
«кругосветников»?

Уверенно и спокойно вел свой шлюп Отто Евстафье-
вич Коцебу. В октябре он пересек экватор, в ноябре при-
был в Рио-де-Жанейро, а в первых числах нового,
1824 года, обогнув Огненную Землю, третий раз в жизни
достиг Великого океана, Южного моря.

«ЮРАНА» И «АЙДАРА»

Вот оно, Южное море! Не принесет ли оно вновь ра-
дость открытий?

Капитан приводит «Предприятие», как раньше «Рю-
рик», в чилийскую гавань Консепсьон и после краткого
отдыха устремляется в путь.

Велик океан. Есть в нем нехоженные еще курсы. Голубая тропинка лежит на карте между параллелями 15 и 16 градусов южной широты. Нехоженная тропинка. И по ней, взрывая волну, неся все паруса, с большой для тяжелого парусника скоростью в двести двадцать ежесуточных миль летит охтенский шлюп. Гудят под ветром ванты, снасти поскрипывают в блоках.

Снова часовой на салинге. Первому, зашедшему берегу, обещана награда.

Медленно плывут облака.

— Твой черед вбегать? — спрашивает унтер матроса Ивана Палкина, одного из лучших марсовых.

— Точно так, — весело отвечает Иван и, поплеывая на широкие ладони, подходит к фок-вантам.

— Этот востроглазый, — завистливо замечает кто-то из матросов. — Обязательно приметит.

Палкин взбирается по вантам, ловко, чуть вывернув, ставит ноги на пеньковые выбленки.

— Эй, Ванюша, — кличат на палубе. — Деньгу получишь — угостишь?

— За мной не пропадет, — все также весело отвечает Палкин.

Он почти уже у половины вант. Далеко внизу раскатывается океанская ширь, свищет ветер, мерно ходит из стороны в сторону высокая мачта. Ивану хорошо. Он думает о чем-то незначущем.

Последнее, что он слышит — это резкий, мгновенно усилившийся, надавивший на уши ветровой посвист и иступленный крик на палубе. Потом страшный удар о волны, как о гранит. И... все.

Сорвавшись с вант — голова что ль на миг закружилась? — матрос Иван Палкин упал в море и, потеряв сознание, в ту же секунду утонул.

Моряки сняли шапки.

— Упокой, господи, душу раба твоего, — шепчет монах.

Все крестятся. «Красно море с берегу», — бормочет Петр Прижимов.

А шлюп летит по синеве, безмятежной и мирной. И даже кругов нет в том месте, где ушел в пучину рядовой 18-го флотского экипажа Палкин Иван.

Не ему довелось увидеть берег, получить награду и угостить товарищей. Другим выпала эта удача.

Во второй день марта открыт был пальмовый остров, вытянутый на четыре мили. Островок с лагуной, с огнями костров, с парусом рыбака в бухте. Нет этого островка ни в атласе Крузенштерна, ни в картографических изданиях известного лондонского географа Арроусмита. И островок — он один из восточных в архипелаге Паумоту — впервые изображает на толстой бумаге капитан-лейтенант Коцебу.

Поставив все паруса, шлюп ложится курсом на вост. Белые крылья проносят корабль мимо острова Аракчеева (Ангато) и Волконского (Такуме), открытых за четыре года до появления моряков Коцебу моряками Беллинсгаузена...

Теперь уж не добрый ветер, а ленивый и переменчивый движет «Предприятие». И в этом медленном, будто нарочито медленном движении возникает перед взором остров Румянцева. Коцебу взглядывает на Эшшольца, и оба понимающе улыбаются. Позади капитана и доктора появляется рослая фигура Петра Прижимова. Руки у него перепачканы суриком, к рубашке прилепилась не то пакля, не то волокна пеньки: он возился в своем шкиперском заведывании, когда услышал об острове Румянцева.

Маленький островок вызывает у всех троих мысль о славном «Рюрике», и они благодарны ленивому ветру — можно полюбоваться землицей, найденной ими восемь лет назад. Впрочем, Коцебу предоставляет это удовольствие доктору и Прижимову. У капитана есть другие заботы.

Во второй раз Отто Евстафьевич был командиром кругосветного корабля. И вторично с ним не было штурмана, а были малоопытные штурманские ученики. Отнюдь не случайно: он сам был отменным навигатором. Больше того, он был учителем своих юных помощников, воспитателем будущих штурманов. Как ни странно, не всем тогдашним капитанам это было присуще.

Спустя более тридцати лет после того, как Коцебу закончил не только все свои плавания, но и навсегда ушел в ту мрачную темную бухту, откуда не возвращаются, о нем любовно вспоминали в штурманской среде. Один из старых офицеров корпуса флотских штурманов писал, что во времена его молодости «капитаны, которые не нуждались в штурманах, и если уж нужда-

лись, то не более как в своих помощниках» были блестящими исключениями из правила. И далее он свидетельствовал: «Но мы знаем даже и такие примеры в этом роде, где один и тот же капитан (Коцебу), два раза ходивший, как тогда говорили, вокруг света, оба раза брал себе только трех молодых штурманских помощников, по нынешнему кондукторов. А потом и один из этих помощников, впоследствии сам ходивший кругом света командиром (Хромченко), также, по примеру бывшего своего капитана, брал с собою в поход также только кондукторов. В таких случаях командиры, без всякого сомнения, вполне сами были руководителями плавания. Пожелаем, чтобы все командиры были бы подобны Коцебу и Хромченко»...

Штурманскими занятиями и было заполнено время Отто Евстафьевича, когда «Предприятие» рассекало волны тропических широт. Он считал своим долгом тщательно определять координаты не только вновь открытых островов, но и нанесенных на карты его предшественниками. Чем больше накапливалось таких «показаний», тем точнее были лоции. А это, разумеется, имело первостепенное значение для мореходов.

* * *

Три капитана три года кряду подходили к острову. И все трое называли его по-разному.

Год 1767-й. Капитан Уоллис. Он не раздумывает: в Лондоне, в Уайтхолле правит Георг, английский король, курфюрст ганноверский, ярый поборник колониальных захватов. Капитан Уоллис его подданный. Стало быть, остров должен носить имя короля.

Год 1768-й. Капитан Луи-Антуан де-Бугенвиль. У него тоже есть свой король — Людовик XV, расточительный, беспечный и женолюбивый. Может быть, французский капитан вспомнил своего монарха, может быть сам был ценителем «прекрасного пола»; он полагает, что имя Новая Цитера («по причине множества пригожих женщин», как объяснял один из русских мореходов) более всего подходит острову. Впрочем, у каждого свой вкус. Чарлз Дарвин, например, не согласился с Бугенвилем. Побывав на острове много позже, он записал в дневнике: «Меня очень

разочаровала наружность женщин: по чертам лица они во всех отношениях уступают мужчинам».

Итак, остров Георга III, он же остров Новая Цитера. Но...

Год 1769-й. Капитан Джеймс Кук. Он спрашивает у туземцев, как они называют свою землю. И слышит: Отаити. Капитан Джеймс Кук так и отмечает на карте. Название привилось. По сей день, заглянув в атлас, вы отыщете остров Таити...

У всех путешественников Таити оставлял одно впечатление — восхитительное. А поскольку в умах путешественников господствовали одинаковые, в сущности воззрения, то и эпитеты в их рассказах о Таити были тоже сходными — «царица Океании», «земной рай»... И Чарлз Дарвин, плыва на знаменитом корабле «Бигль», итожил их впечатления и рассказы. «На рассвете,— писал он,— показался Таити, остров, который навсегда, должно быть, останется классическим для всех, кто путешествует по южным морям».

Этот «классический» остров посещали и русские. В бухте Матавай, у мыса Венеры бросали якоря славные открыватели Антарктиды Фаддей Беллинсгаузен и Михаил Лазарев. Потом, летом 1823 года, опять-таки Михаил Лазарев, поспешая в Русскую Америку, был на Таити с фрегатом «Крейсер». Спустя несколько дней, догоняя брата, туда же явился Андрей Лазарев, командир кругосветного шлюпа «Ладога».

Года не прошло после ухода Лазаревых из Матавайской бухты, а уже другой русский ходок торопился к ее благодатным берегам: шлюп капитан-лейтенанта Коцебу «Предприятие».

...В марте 1824 года тяжелый якорь, унеся в глубину пятнадцать сажень троса, взбаламутил черный ил на дне залива Матавай. Шлюп «Предприятие» с убранными к реям парусами, стоял у берегов Таити, и сто с лишним человек из России во все глаза глядели на чудесный остров, покрытый апельсиновыми, лимонными, банановыми лесами, глядели на домики туземцев, на бухту с шустрыми лодками.

Лодки стремглав, наперегонки устремляются к шлюпу. Лодки везут фрукты, рыбу, мясо. Островитяне машут зелеными ветками — знак мира и дружбы, дошедший к нам из тьмы времен. Окружив корабль, они кричат:

— Юрана! Юрана! Юрана!

«Юрана» — это «здравствуйте», это «добро пожаловать». И с высокого шлюпа в ответ им тоже несется «юрана» и машут платками, шапками.

Отто Евстафьевич не рассчитывал долго быть на Таити. Недели две, не больше. Не трата времени попусту, экипаж принялся за дела, обычные на якорной стоянке. Корабельные работы, береговые поверки астрономических инструментов, меновая торговля, исследования ученых.

Капитан участвует во всем: Он вездесущ. Он то на шлюпе, то на берегу. Он помогает Эмилю Ленцу наладить наблюдения и опыты, посылает минералога Гофмана осмотреть озеро Вахирия, считающееся и островитянами и европейцами бездонным. Он велит штурманам произвести опись залива Матавай, а потом и первую съемку отличной гавани Папее, неподалеку от Матавай, где ныне находится столица Таити. Разнообразные хлопоты... И эти вечные тревоги, неотвязные даже в ночном забытьи: не упустить то-то, сделать то-то...

Однако, распределив обязанности среди подчиненных, Отто Евстафьевич и сам зорким оком наблюдает за жизнью Таити. Коцебу беседует с Вильсоном, английским миссионером, живущим на острове уже более двух десятилетий, говорит с рослыми и кроткими туземцами, присутствует на унылых проповедях в церкви, видит, как, смиренно согнув широкие спины, островитяне шепчут молитвы богу белых людей. И Коцебу мрачнеет, хмурится...

Вот он сидит в своей каюте на кожаном диване с книгой в руках. В отворенную дверь струятся запахи земли, прекрасной, богатой земли.

Коцебу листает книгу Форстера, спутника Кука. Форстер подробно описал Таити.

«Плодородием и разнообразием растительности,— думает Отто Евстафьевич,— остров несомненно подходит к нашему представлению о рае. Но жители? Форстер с Куком приходили всего лишь полвека назад, и Форстер считает число жителей в восемьдесят тысяч. Пусть даже в половину меньше. А мистер Вильсон говорит, что теперь... восемь тысяч! Пусть даже вдвое больше. И все же: отчего такая ужасная разность?»

Коцебу вспоминает Калифорнию. Он заходил в Сан-Франциско на «Рюрике». Индейцы, поработанные испан-

скими монахами, мерли там, как мухи. На Таити нет монахов-католиков. На Таити есть миссионеры. Но, видать, хрен редьки не слаще.

«Можно ли оспаривать,— размышляет Отто Евстафьевич,— животворный свет учения христового? Нет, нельзя. Но там, где к дикарям является цивилизация в рясе и с крестом,— религия ширма. Да, ширма, прикрывающая грубый захват, разорение».

Капитан встает с дивана, ставит том Форстера на полку и придвигает кресло к столу. Повернув ключ в ящике — замок с секретом тоненько звякает,— он достает путевой журнал.

Склонив светловолосую голову, моряк записывает то, что вы не найдете ни в книгах европейских миссионеров, ни в отчете об острове Таити у Беллинсгаузена, пишет то, что впоследствии при опубликовании вызовет «праведный» гнев английского и американского духовенства и неудовольствие даже такого великого ученого, как Чарлз Дарвин.

«Многие из островитян,— пишет капитан-лейтенант Отто Коцебу,— умеют читать библию и несколько писать, все они должны три раза в день ходить в церковь и вообще большую часть времени проводить в молитвах; по воскресным дням никто не смеет работать, и даже не варят себе пищи, а проводят целые сутки с библией в руках. Всякое веселье посчитается за великий грех, хотя бы оно было и самое невинное. Островитяне, не имея настоящего понятия о религии и не понимая, что из них хотят сделать, слепо следуют своим проповедникам; от беспрестанного занятия их толкованием веры происходит то, что поля их остаются в запустении, и путешественник уже не найдет здесь того изобилия, о котором говорит нам Форстер. Во времена Кука считалось жителей на Отагейти до 80 тысяч, теперь же их находится только 8 тысяч. Отчего произошла сия ужасная разность? Где на островах Южного моря поселится европеец, там опустошительная смерть, сопутствуя ему, истребляет целые племена, ибо сии переселенцы редко бывают достойны носить название своего отечества».

В нравственных качествах европейцев-колонизаторов усматривал капитан Коцебу беду островитян Южного моря. Суть, конечно, крылась глубже...

Господа миссионеры еще не добрались до этих небольших островков с кокосовыми пальмами и тихими лагунами. О, несчастные дикари! Здесь они не ведают ни о колонистах, ни о проповедях.

Но белых людей они знают: не тускнеет память об «эллип-оа», большой лодке, а в песнях-сказаниях слышатся имена Тотабу, Тимаро, Тамиссо... Много-много лун народилось и умерло с того дня, как они скрылись за горизонтом. И с той поры ни одна большая лодка белых людей не показывалась у островной группы Радак...

В апреле, предвкушая радость встречи, капитан Коцебу приближался к островам Радак. Семь лет назад открыли их «рюриковичи». Впрочем, не из желания повидать друзей-островитян капитан-лейтенант вел шлюп к их коралловой родине. Он хотел, чтобы ученые сделали на тех островах серию наблюдений.

Как и семь лет назад, так и теперь Коцебу приходится то терпеливо пережидать штили, то сносить ярость шквалов, мокнуть под ливнями, обливаться потом от влажного жара, принесенного дыханием экватора...

Подождав окончания утренней приборки, Петр Прижимов поднялся на верхнюю палубу. Он с удовольствием оглядел чистый, еще сырой, слегка паривший деревянный палубный настил, исправно поставленные паруса. Прижимов, как и все старые, много плававшие матросы, особенно любил эти утренние часы в тропиках. Солнце покамест терпимое, корабль прибран, все в строгом, но не застылом, а живом, деятельном порядке, лица у служителей бодрые, веселые. Шлюп, люди, океан — все радует сердце. Плыть бы да плыть в эдаком просторе!

Выбритый, свежий, пружинистой походкой проходит на шканцы капитан. «Наш-то,— думает Прижимов.— Совсем иная статья! Не как в Ревеле...»

Голос с «поднебесья» заставил Петра вздрогнуть: часовой на салинге возвестил берег. Сощурившись, Петр долго вглядывался в даль, но то, что хорошо видел парень на мачте, никак не вырисовывалось перед шкипером.

А на корабле уже началась радостная, сбившая походный ритм суэта. Подвахтенные, разбуженные товарищами, выскакивали из коек, торопливо натягивали рубахи, повязывали форменные черные галстуки, и, шлепая

босыми ногами, бежали по трапу на верх. Офицеры, завтракавшие в кают-компании, сдернув салфетки и с грохотом отодвинув стулья, тоже выбежали на палубу. Штурманские помощники, захватив футляры с секстансами, скорым, но осторожным шагом, точно крадучись, друг за дружкой устремились к капитану.

В полдень островки можно уже было видеть невооруженным глазом. То были восточные островки цепи Радак. Корабль медленно огибал их с юга.

29 апреля 1824 года шлюп капитан-лейтенанта Коцебу встал на якорь у острова Отдии, точно на том месте, где некогда стоял бриг лейтенанта Коцебу.

Но — странное дело — ни одна лодка не плыла к кораблю. Если бы Коцебу, сделавшись невидимкой, побывал в тот миг на острове, он бы узнал, что огромная эллип-оа», непохожая на «Рюрик», вызвала у туземцев ужас.

Подождав немного, Коцебу сказал вахтенному офицеру Римскому-Корсакову:

— Что ж, они не идут к нам, так мы пойдем к ним. Велите, Николай Петрович, изготовить шлюпку с четырьмя гребцами.

— Осмелюсь, ваше высокоблагородие... — слышалось сзади.

Офицеры обернулись.

— Что тебе, Прижимов? — спросил Коцебу и, тотчас догадавшись, сказал, улыбаясь: — Разумеется, братец, пойдешь со мной.

Шлюпка направилась к острову. Она уже подходила к нему, когда от берега отвалила лодка с тремя туземцами. Один из них поднял над головой кокосовые ветви. Он что-то кричал, товарищи дружно поддерживали его. «Небось, «айдарят», ваше высокоблагородье», — сказал Прижимов Коцебу. Капитан кивнул шкиперу, и в ту минуту они отчетливо слышали:

— Айдара! Айдара! Айдара!

«Айдара» это было тоже, что «юрана» на Таити: приветствие, «здравствуйте», «добро пожаловать».

Шлюпка и лодка сблизилась. Коцебу поднялся, сложил ладони рупором, крикнул:

— Айдара! Айдара!

Потом, как и семь лет назад, капитан ткнул в грудь пальцем и громко произнес:

— То-та-бу! То-та-бу!

Имя Тотабу прокатилось по островку, по селению, эхом отозвалось в пальмовом леске. Оно прозвучало, как заклинание. Туземцы узнали «тайона эллип-оа», начальника большой лодки, узнали Тотабу, Коцебу, человека, с которым у них были связаны самые светлые воспоминания.

Толпы островитян встретили моряков на берегу. Расстроганный капитан вышел из шлюпки. Прижимов, щурясь, бормоча «айдара, братцы», следовал за Коцебу. Но не успели они сделать и нескольких шагов, как на них навесили огромные венки из благоухающих цветов. Гостей окружили, взяли под руки, ликуя, повели в селение. Они шли счастливые и немного смущенные.

То была не хижина, а навес, ибо стен не было; под навесом легко и свободно гулял ветерок с океана. Коцебу и Прижимов сели на пол, подогнув ноги; островитяне мужчины разместились вокруг; женщины, статные и застенчивые, со свернутыми листьями в мочках ушей, подали гостям кокосовое молоко.

Начались расспросы. Жителей Отдии интересовало многое: нет ли с Тотабу его прежних спутников Тимаро и Тамиссо, где был он все это время, почему так долго не навещал их, останется ль он у них навсегда или опять уйдет за море, а если покинет, то когда же вернется...

Коцебу отвечал. Затем уж спрашивал он. Островитяне рассказывали охотно, наперебой. Оказалось, что все растения и животные, привезенные «Рюриком», вскоре были забраны старшиной острова Аур. Там они живут, умножаясь, к радости аурцев. У них же, на Отдии, остались одни кошки, да и те совсем одичали и разбежались по лесу.

— А что же Каду? — осведомился Коцебу. — Где он? Отчего я не вижу моего лучшего друга?

В самом деле, Каду не было ни в кругу под навесом, ни на острове.

...«Рюрик», возвращаясь в Россию из Тихого океана, вторично заходил на острова Радак. На Отдии моряки распрощались с полюбившимся им Каду. Все были сильно опечалены. Коцебу утешался тем, что Каду, столь многому научившийся на корабле, будет полезен соотечественникам, а там, в сыром и холодном для него Ревеле или Петербурге, верно, не долго протянет.

Покинув бриг, Каду явился на Отдии настоящим Крезом. Еще бы! Моряки одарили славного малого таким количеством вещей, что у островитян глаза разбежались. Коцебу тогда же подумал, что у Каду непременно будет произведено «изъятие» части сокровищ, и капитан, верный принципу святости частной собственности, задумал оградить богатства своего подопечного.

Перед отплытием брига, он велел собрать всех жителей острова, тех самых, что сидели теперь перед ним. Коцебу и натуралист Шамиссо съехали на берег. Жители уже собрались и обступили их плотным широким кольцом. Каду, надев в соседней хижине парадное платье — рубаху и соломенную шляпу, с саблей в руках, подошел к белым начальникам и сел подле них.

Важно помолчав и оглядев островитян, Каду заговорил медленно, с достоинством. Жители слушали, не нарушая тишины, испуганно поглядывая на страшное оружие Каду. Он же вещал:

— Великий «тамон» всех «тамонов» земли русской приказал, чтобы Каду остался здесь заботиться об оставленных русскими растениях и животных. Под страхом смерти никто не должен мешать мне. Каждый житель должен помогать и за это получит награду.

Произнеся речь, которой научил его белый покровитель, Каду умолк. Тогда заговорил сам Тотабу.

— Через десять месяцев, — покривил душой лейтенант флота, — к вам прибудет из России большой корабль. На нем привезут разные вещи для вас. Но если окажется, что растения и животные уничтожены, то виновных ждет смерть. Пусть никто не дерзнет обокрасть Каду или причинить ему какое-нибудь зло. И это преступление будет наказано смертью.

Пока он страшал островитян, сделалось совсем темно. В условленный час загремели пушки «Рюрика» и цветастым огненным веером в выси рассыпалась ракета. Туземцы оцепенели от страха. Вполне удостоверившись в могуществе белых людей, они поклялись исполнить все приказания Тотабу. Спектакль окончился.

Коцебу и Шамиссо пошли к берегу. Все население провожало их. Впереди, в длинной рубахе, в соломенной шляпе, с саблей на плече шествовал Каду. В руках туземцев, потрескивая, горели лучины, оранжевые отблески падали на лица, на прибрежный песок.

Так было на этом острове семь лет назад...

— А что же Каду? — спрашивает Коцебу семь лет спустя.

С Каду не случилось ничего худого. Он просто уехал на остров Аур. Ведь там он жил до путешествия на «Рюрике» со своим другом Эдоком. О, Каду будет в отчаянии, узнав, что Тотабу приходил на Отдию. А, может быть, Тотабу, погостив у них, отправится на Аур?

Нет, Коцебу не мог идти на Аур: был уже май, время тропического плавания кончилось; должно следовать в Петропавловск, а оттуда в Русскую Америку, в крепость Ново-Архангельск.

Ученые и штурманы завершили работы. Шлюп снялся с якоря. Глухо и монотонно забили барабаны. Печальная песня лилась над островом, песня о Тотабу, покидающем Отдию.

Коцебу же с грустью глядел на исчезающую землю. «Ужели,— думал он,— и этих добрых детей природы постигнет участь таитян, вымирающих под игом миссионеров?»

Постигнет!..

В девятый день мая 1824 года корабль капитан-лейтенанта Отто Евстафьевича Коцебу неся уже курсом норд-норд-вест, на Камчатку.

ДАЛЕКАЯ КРЕПОСТЬ

В исследовательской экспедиции главное — открытия. В служебном плавании — иное: навыки и выучка, приобретенные экипажем. Кругосветный поход считался русскими (и не одними русскими) моряками превосходной школой мужества и мастерства.

Киснуть в Маркизовой луже — так, в насмешку над боязливым министром маркизом Траверсе, называли излюбленный им Финский залив — или пробиваться сквозь

океанские штормы? Какое же моряцкое сердце не предпочтет океан!

Зевать, выворачивая скулы, на кронштадтской или ревельской фрунтовой шагистике или, перекрывая шум ветра и волн, зычно командовать постановкой и уборкой парусов? И спрашивать нечего!

Наконец, поигрывать с барышнями в фанты или вести мужской разговор в кают-компании, окутанной трубочным дымом и духом морского товарищества? Нет уж, увольте от дребедени гостиных. Впрочем, иногда как отдых, отчего же... Но только не повседневно.

Командир «Предприятия» отлично знал, что такое кругосветное плавание для молодого моряка. Пожалуй, не только для молодого.

Вот его старший офицер Кордюков, Тимофей Васильевич Кордюков. Тот под флагом самого Сенявина в знаменитой Средиземноморской кампании участвовал. Что и говорить — моряк от подошв до маковки. А ведь и для него «Предприятие» доброй наукой послужит.

Или Римский-Корсаков. У Николая Петровича опыта поменьше, чем у Кордюкова. Обстрелян и порох нюхал не на воде, а на суше. В отечественную войну с французом дрался, до Парижа прошагал, а после три года на корабле ходил между Англией и Францией. Но одна «кругосветка» даст ему вдесятеро больше кампаний в Ла-Манше.

Что ж до мичманов и лейтенантов, этим — знай не ленись, не будь соней, вникай во все мелочи (если только есть они, мелочи), ибо настоящий офицер должен быть на своем судне и наилучшим боцманом, и наилучшим штурманом.

Ему же, командиру, надлежит по примеру Ивана Федоровича Крузенштерна приохотить молодежь к гидрографическим занятиям, к наблюдениям за ветрами и течениями, за прозрачностью воды и глубинами. И постоянно внушать мысль, что ни единым повышением в чине жив моряк-офицер, но заботой о приращении географических познаний...

Итак, «Предприятие» пришло на Камчатку. В Петропавловске, сдав чиновникам грузы, Коцебу исполнил первую часть правительственных заданий и отправился для несения крейсерской службы на другой край Тихого океана, в Русскую Америку.

...Августовский рассвет был пасмурным, солнце никак не могло одолеть туманы. Смутно-смутно проступал сквозь сумрак гористый, поросший лесом остров Ситха, расположившийся по соседству с материковым берегом Северной Америки.

Ветер будто заплутался в тумане, в бухточках, среди островков, окруживших, как цыплята наседку, остров Ситху, в его чащобах и скалах. Коли б не течение, тащиться бы шлюпу до самого вечера. Но течение влечет его в глубину просторного залива, туда, где с высокой скалы сумрачно взирает на окрестности крепость Ново-Архангельск.

Тихо кругом и безлюдно. Никто не примечает, как 750-тонный шлюп, кажущийся в рассветной мрачности призрачным кораблем Летучего Голландца, приближается к рейду. И в крепости, и в селении, разбросанном подле нее, все спят тем крепким, сладким сном, каким спится в ненастные предутренние часы.

Почивает в двухэтажном доме правитель колоний Матвей Муравьев. Спят в избах компанейские матросы, обняв случайных подруг-индианок; спит, раскинув руки, налитые свинцовой усталостью, рабочий люд с верфи; похрапывают чиновники, резавшиеся в бостон чуть ли не до петухов; клюют носом часовые в крепости, да и вахтенный матрос на фрегате «Крейсер», что давно стоит в заливе, чуть было не вздремнул, но зябко вздрогнул, пробил вовремя склянки, а их сквозь сон чутким привычным ухом слышали Михаил Лазарев, мичманы Нахимов Павел, Ефим Путятин...

Часам к восьми туман рассеивается. Он расходится то легкими, синеватыми, колыхающимися массами, то равными ватными клочками, то длинными белесыми полосами. И тогда уж и с берега и с палубы «Крейсера» с радостным удивлением замечают пришельца.

А ровно в восемь одна из 24 пушек «Предприятия» звучно салютует Ново-Архангельску, и, отвечая голосу пушки неистовым граем, над крепостными башнями взлетают вороньи стаи. День начинается. Но не будничным, а праздничным, ибо приход корабля из России всегда большое событие для жителей далекой крепости.

К полудню в кухне муравьевского дома уже дробно стучали ножи, пылала печь, уставленная медными кастрюлями и чугунными судками, повар-креол метался от

печи к широкому, иззубренному на краях столу, заглядывал в духовку и походя оделял подзатыльниками плутов-поварят.

Самые разнообразные запахи — свежей ухи, тушеного картофеля, овощных салатов, редьки, только что откупоренных бочонков с соленьями — наполняли кухонное царство и растекались по дому, достигая комнат верхнего этажа.

В столовой, уставленной добротной тяжеловесной мебелью, денщик-матрос и слуга из компанейских служителей разливали в графины вина, водку, ром. При этом оба отведывали каждый сорт, поглядывали друг на друга и прищелкивали — денщик языком, а слуга пальцами.

Сам же Матвей Иванович Муравьев, человек среднего возраста, уже с сединой в висках, капитан-лейтенант, изведавший и морские баталии со шведами и французами, и плавание на шлюпе Головнина «Камчатка», и несколько лет нелегкой должности правителя Российско-Американской компании, сам Матвей Иванович прохаживался из комнаты в комнату, потирал руки, поторапливал.

— Смотри, ребята, — покрикивал Матвей Иванович, — не оплошай! Шутка сказать: двух известных капитанов принимаем да скольких лейтенантов и мичманов потчуем. Смотри не оплошай.

— Все сполним, — громко, стараясь глядеть молодцом, отвечает денщик.

Но Матвей Иванович, нахмурившись, строго всматривается в его раскрасневшееся лицо.

— Ванька, уже? — тихо спрашивает Муравьев и замахивается.

— Так вить на радостях, — лепечет денщик, знающий тяжелую руку капитан-лейтенанта, и вдруг, юркнув куда-то в сторону, исчезает.

Муравьеву нет охоты чинить суд и расправу.хлопот и без того много. Выругавшись, он идет на кухню.

В обед дом был полон. Могло показаться, что кронштадтское морское собрание переместилось в Ново-Архангельск. Партикулярные гости — чиновники во фраках и молодые ученые с корабля Коцебу — как-то затерялись среди мундиров и эполет. Затерялись и чувствуют себя не совсем ловко. А вокруг звучат крепкие, сипловатые голоса, слышатся прибаутки, смысл которых понятен лишь тем, кто учился в корпусе, спрашивают об общих

знакомых, часто называя не имена, не фамилии, а прозвища кадетских лет.

Постепенно все рассаживаются. Лазарев и Муравьев садятся во главе стола: первый старший в чине, второй — в должности. По правую руку от командира «Крейсера» — командир «Предприятия»; попеременно — лейтенанты и мичманы с фрегата и шлюпа. Много общего у этих людей: одинаковая форма, одна служба, сердечная привязанность к морю, к парусным судам. Много общего, даже фасоны причесок и бакенбарды. Но как разное их будущее!

Михаила Петровича Лазарева, трижды «кругосветника», открывателя Антарктиды, ждет Черноморский флот, где он возродит и продолжит традиции Ушакова, создаст знаменитую «лазаревскую» когорту боевых флотоводцев.

Нынешнему мичману с фрегата «Крейсер», скромному и неречистому, часто отвечающему краткими «да-с», и «нет-с», мичману Павлу Нахимову доведется жечь неприятельскую эскадру при Синопе, воодушевлять защитников Севастополя и самому сложить голову в пылающем от бомбардировок городе.

А лейтенант Римский-Корсаков дослужится до полного адмирала, полюбит императору, будет директором Морского корпуса, большим петербургским барином, и у него часто будет гостить братец из Тихвина с сынишкой Николенькой, прославленным впоследствии композитором.

Тот же, кто сидит сейчас напротив Римского-Корсакова, молодой застенчивый лейтенант «Крейсера» Федя Вишневский, тот недолго еще будет служить во флоте. Немногим больше года. С гвардейским экипажем он выйдет на Сенатскую площадь, на площадь 14 декабря и вместе с друзьями-декабристами поплатится собственной свободой за попытку добыть свободу России.

Зато уж мичман Ефим Путятин долговечен. Этот (ишь подливает рюмку за рюмкой) доживет до восьмидесяти. Он вовсе и не предполагает, что быть ему не только моряком, но и весьма удачливым дипломатом, возглавлять миссии в Персию, Японию, Китай. Еще раз совершит он кругосветное плавание на фрегате «Паллада», где секретарем его будет не кто иной, как писатель Иван Александрович Гончаров. И уйдет он из жизни членом Государственного совета...

Разные доли поджидают тех, кто в августовский день 1824 года пирует в хлебосольном доме Матвея Муравьева. Пируя, они, конечно, не помышляют о будущем. Они веселы, счастливы. Они в своем кругу, в кругу мореходов, заброшенных на край света, за тысячи миль от родных городов, от милых глаз, от ласковых старушек-матерей.

Как всегда бывает в большом обществе, разговор после нескольких тостов раздробился, составились кружки.

Муравьев, обрадовав Коцебу тем, что до весны будущего года нет надобности в крейсерской службе, заговорил с капитаном о компанейских делах. Завязался спор по поводу предложения Головнина перенести главное правление из Ново-Архангельска в Павловскую гавань на острове Кадьяк. Впрочем, спор продолжался недолго, потому что Лазареву хотелось потолковать о возвращении в Россию, а Коцебу поделиться с моряками планами на будущую зиму.

— Вам Отто Евстафьевич,— сказал Муравьев,— может сподручнее продолжать ученые занятия в тропиках. Вам в них везенье.

— Однако,— заметил Лазарев,— шлюп тогда явится в Ситху таким потрепанным, что впору не пост нести, а к верфи швартоваться.

Коцебу, подумав, отвечал:

— Конечно, господа, в запасе у меня примерно полугодие. Я мог бы побывать и на Радаке (там сколь не бывай, все новенькое сыщешь), мог бы поискать и коралльную цепь Ралик. Это так. Но и Михаил Петрович прав: получится, что шлюп два года без починки. Какой же он будет защитник колоний от иноземного посягательства?

Капитан-лейтенант Кордюков, прислушавшись к разговору и сообразив о чем речь, предложил:

— А не попытать ли, Отто Евстафьевич, счастье в Беринговом проливе? Знать бы еще в Камчатке, что Матвей Ивановичу мы не нужны, так прямо бы в Берингов из Петропавловска двинули!

— То-то и дело, Тимофей Васильевич,— с плохо скрытой горечью ответил Коцебу,— то-то и дело, что вечно эти неувязки карты путают. Вы же знаете, через Берингов пролив дорога к моей заветной мечте, к тому, что еще на «Рюрике» начинал... Я бы, господа, все свои

открытия в Южном море променял, пожалуй, на один только обход Ледяного мыса.

Он насупился, как человек, в котором задели бо́льшую струну.

— Ну-с, об этом теперь тужить нечего,— сказал Лазарев, наливая малаги Коцебу и Муравьеву.— В нынешнем году никак нельзя уж идти вам в Берингов. Да и в будущем не получится. Вот, ежели в двадцать шестом...

— Когда у меня все запасы кончатся,— мрачно перебил его Коцебу и неприязненно покосился на капитана второго ранга.

А за столом продолжалось веселье. Многие уже захмелели, подходили к распахнутым окнам, переводили дух и с удовольствием оглядывали панораму: селение, островки, рябь залива, ясные дали Великого, или Тихого.

«Изобретения» повара-креола были, наконец, истерпаны. Гости, отяжелев, расходились по комнатам. Подали трубки. Мичман Чекин, ревизор со шлюпа Коцебу, раздобыл где-то гитару, забросил ногу на ногу, взял аккорд, другой.

— Давай-ка, Паша, любимую.

Чекин кивнул и заиграл. Мичманы, кто сидя, кто стоя в обнимку, подхватили незатейливую офицерскую песенку, которую часто певали и в кают-компаниях, и на зимних береговых квартирах:

Где прежде расцвела
Троянская столица,
Там в наши времена
Посеяна пшеница.
Где прежде в Капитолии
Судилися цари,
Там в наши времена
Живут пономари...

Отто Евстафьевич вышел из дому никем не замеченный. Хотелось побродить в одиночестве на вольном воздухе, собраться с мыслями.

Стало быть, до весны шлюп его не был нужен в Ново-Архангельске. Весной, когда на Ситху съедется много воинственных и хорошо вооруженных американскими купцами индейцев-колош, тогда может быть понадобятся пушки военного корабля...

Черт побери, неужто нельзя было дать знать об этом в Петропавловск! Ну, хоть бы в Охотск. Ведь в апреле

из Ново-Архангельска обязательно уходит в Охотск почта. А оттуда нашлась бы оказия на Камчатку. И он бы повел «Предприятие» не в Ново-Архангельск, а в Уналашку, в зунд Коцебу и далее. Кто знает, не сумел бы он сделать то, что не дал ему совершить проклятый шторм!

Теперь же одна забота: как получше использовать неожиданно-негаданно освободившееся полугодие? Не торчать же в Ново-Архангельске с его нездоровой зимой, с его прелестями в виде цинги и пагубного для служителей безделья и скуки. На север — поздно, на дальний юг — нельзя... Остаются Калифорния и Сандвичевы острова. Там в зимнюю пору благодать. Пусть люди отдохнут, подкормятся, офицеры и штурманы узнают прекрасные гавани Сан-Франциско и Гонолулу.

Ровно месяц простоял шлюп на Ситхинском рейде, а в сентябре вступил под паруса и ушел в Сан-Франциско. Вскоре покинул рейд и лазаревский фрегат «Крейсер».

* * *

В далекой островной крепости потянулась будничная жизнь.

— Слуша-а-ай,— перекликались ночами часовые.

«А-а-ай»,— отзывалось эхо. Караульный офицер поживаясь на сыром ветру и кутаясь в плащ, проверял дозорных на башнях.

Утром с солдатской суровостью на лицах барабанщики били «зорю». Рабочие торопились на верфь. Чиновники, лениво перебраниваясь с супругами, собирались в контору.

Своя, издревле заведенная жизнь, шла и у индейцев-колош. (В отличие от прежних правителей Российско-Американской компании Матвей Муравьев позволил им селиться близ крепости.)

Мужчины, важные, мрачные, с глубоко посаженными черными глазами, милостиво принимали из рук жен завтраки. Дядюшки несли малолетних племянников к ежедневной морской ванне. Малюткам приходилось купаться в любую погоду. Об этом заботились дядюшки; папаши же, несмотря на их суровую наружность, не выносили криков и плача чад. Накормив повелителей-мужей, колошенки принимались за выделку ковров и одеял из

козьей шерсти, изготовление красивых разноцветных корзин, дубление шкур.

Ничем не отличаясь, ничем не радуя, катились зимние недели. Зима не приносила новоархангельцам ни ясных деньков с добрым бодрящим морозцем, ни чистого, веселящего душу сверканья снегов. Она была хлипкой, промозглой; снег с дождем да подлый ветер, пробирающий до костей и вызывающий озноб.

Зато весна была ранней: в феврале уж малина цвела!

В белое ее цветение и вернулись в Ново-Архангельск из солнечной южной стороны моряки капитан-лейтенанта Коцебу.

«Предприятие», заняв место в заливе напротив крепости, приступило к охранительным обязанностям, исполнявшимся до него лазаревским фрегатом. Но воинственные индейцы-колоши с американского берега, видимо, вполне примирились с компанейскими промышленниками и не думали вступать на тропу войны. Артели уходили на промыслы, рыбацьи байдары свозили в селение улов, ни американские, ни английские контрабандисты не показывались, словом, лето восемьсот двадцать пятого года было спокойным и мирным.

Коцебу не приминул воспользоваться этим: корабельные ученые пропадали целыми днями в лесистых глубинах острова, штурманские помощники под руководством мичмана Степана Вукотича описывали северную часть залива. Все были заняты по горло.

Вечером Коцебу с товарищами являлся в гостеприимный дом Муравьева. Отужинав и побеседовав, одни усаживались за зеленые ломберные столики и складывали друг против друга столбики испанских пиастров и голландских червонцев, другие уединялись в довольно богатой библиотеке, ежегодно пополнявшейся книгами и журналами из Петербурга. Времечко текло обыденно, однообразно, пожалуй, скучновато, как вдруг... салют и «ура»: из Кронштадта пришел корабль Российско-Американской компании «Елена». Только теперь экипаж Коцебу по-настоящему оценил, что значил их собственный прошлогодний приход в Ново-Архангельск. С каким нетерпением все ожидали на берегу шлюпку с «Елены», с какой радостью трясли руку командира лейтенанта Петра Егоровича Чистякова, с какой сердечностью обнимали его спутников!

А в муравьевском доме опять стучали ножи, чародействовал повар-креол и слуга с денщиком-матросом разливали в графины вина, водку, ром.

Лейтенант Чистяков привез весьма важные известия.

Матвей Иванович пригласил его в кабинет. Коцебу был там же. Чистяков выложил на стол пачку толстых пакетов, сказал, упирая на «о»:

— Богатая почта, новостей множество, господа. Однако погодите-ка.

Лейтенант открыл деревянный ящичек, принесенный им вместе с пакетами, и добавил:

— Прошу. Англинские. От мыса Доброй Надежды через два океана доставил.

Муравьев и Коцебу рассеянно взяли толстые сигары, прикурили от свечей. Душистый дым двумя сизыми струйками скрестился над столом, где лежала почта. Матвей Иванович вскрыл первый пакет, быстро пробежал его глазами.

— Вот те бабушка и Юрьев день,— изумленно произнес он.

— Что? — воскликнул Коцебу.

— А то, дорогой друг, что вы тут, у меня в Ново-Архангельске зря время загубили.

Коцебу подался к Муравьеву.

— Так точно, Отто Евстафьевич. Вот извольте послушать.

И Матвей Иванович прочел вслух извещение директоров Российско-Американской компании. Извещение гласило, что правительство Российской империи в апреле 1824 года подписало с Американскими Соединенными Штатами конвенцию, согласно которой гражданам этой республики предоставлялось право беспрепятственного захода во все внутренние воды российских владений у северо-западных берегов Америки как для промысла, так и для торговли с туземцами. Далее директора сообщали, что подобные переговоры ведутся с послом его величества короля английского.

— Значит...—тихо, почти шепотом, вымолвил Коцебу.

— Значит,— также тихо, понимая, что испытывает собеседник, закончил его мысль Муравьев,— значит крейсерство ваше давно уж никому не нужно и уж год назад вы могли бы направиться в Берингов пролив.

Коцебу порывисто встал. Глотнув воздух и отшвырнув сигару, отошел к окну.

Наступило молчание. Муравьев шелестел бумагами. Чистяков курил. Коцебу стоял спиной к ним, и казалось, что-то пристально разглядывал в дали.

— Отто Евстафьевич,— окликнул лейтенант.

Коцебу чуть повернул голову; теперь видны были бледная его щека со светлым бакенбардом и краешек голубого прищуренного глаза.

— Отто Евстафьевич,— продолжал Чистяков,— да ведь в этом роде новенькое затевают ваши радетели. Крузенштерна я все лето перед отъездом видел у Синего моста, в компанейском правлении. Он подолгу сиживал у директоров, толковал о новой северной экспедиции, приносил письма графа Николая Петровича из Гомеля. Да вот и Матвею Ивановичу от графа послание есть.

Коцебу медленно отошел от окна и сел в кресло. Он глядел, как муравьевские пальцы с коротко обрезанными ногтями отыскиали пакет Румянцева, переломили печать, достали исписанные листы.

Муравьев опять начал читать вслух. Коцебу не шевелился.

«Милостивый государь мой Матвей Иванович», — читал Муравьев.

Вам, конечно, известно, что при отправлении «Рюрика» в 1815 году для отыскания Северо-Западного прохода, командиру оного лейтенанту Коцебу предписано было отправиться сухим путем из Берингова пролива к Ледяному мысу, а оттуда вдоль берега к Востоку, дабы узнать физическое свойство и направление берега, которое начиная от Ледяного мыса нам совершенно неизвестно, также направление и силу течений, одним словом, предварительно удостовериться в возможности или невозможности предпринять отыскание сообщения обеих Океанов и морей.

Лейтенант Коцебу по встретившемся с ним несчастному случаю не мог исполнить сего предприятия. Предприятие капитана Васильева также осталось неудачным, а потому Географические наши сведения, касательно Северных стран, лежащих на Восток от Берингова пролива, нисколько не увеличились.

Не видя теперь никаких новых распоряжений со стороны Правительства в разрешении сей любопытной проб-

лемы, желаю я возобновить покушения, начатые на «Рюрике». Хотя по донесениям капитана Васильева известно, что обход Ледяного мыса весьма возможен, но так как сие потребует судно крепкого построения и изобильно снабженное, дабы оно было в состоянии провести две или три зимы на пути, а снаряжение такого рода почти невозможно в селении Американской Компании, то я предпочитаю отправление Экспедиции сухим путем, подобно той, которую я предписал лейтенанту Коцебу в 1815 году, то есть направиться наперед к Ледяному мысу, а оттуда вдоль берега к Востоку.

Я считаю лишним продолжать сие исследование дальше устья реки Макензи, потому более, что известный капитан Франклин отправляется в подобную Экспедицию, но в противную сторону, а именно ему предписано спуститься по реке Медной, а оттуда он будет следовать на Запад к Берингову проливу. Капитан Франклин не может прибыть к устью реки Макензи прежде 1826 или 1827 года, и потому желательно, чтобы и наша Экспедиция начала свой путь к тому же времени.

Если бы случилось обоим Экспедициям встретиться, то слава успешного предприятия будет принадлежать России, равно как и Англии.

В противном случае, когда со стороны России ничего предпринято не будет, а англичанам между тем удастся прибыть в Берингов пролив, то, по близости сих стран от наших азиатских и американских владений, Европа вправе сделать нам упрек, что подобные поиски, так сказать, в наших морях или около наших берегов предоставляем мы другим народам.

Мне известно, милостивый государь мой, сколько Вы любите славу и пользу отечества Вашего и неоднократно уже испытать каким меня отменным благорасположением всегда одолжать готовы, я с полной доверенностью обращаюсь к вам, милостивый государь мой, и прошу Вас принять на себя исполнение сего предмета, и по соображению всех относящихся к тому обстоятельств начертать инструкцию Командиру Экспедиции.

Желательно мне поручить оную г. Хромченку с тем, чтобы г. Етолин был у него помощником, и даже, есть ли польза службы Американской Компании воспрепятствует г. Хромченку принять начальство над предпринимаемой Экспедицией, то поручить оную г. Етолину. Он, мне ка-

жется, все в себе заключает, что может успех сей Экспедиции довершить.

В возможности подобной береговой Экспедиции удостоверяет нас продолжительные поиски барона Врангеля по льду, в последнем году он перешел около 2000 верст и употребил на сие только 70 дней.

Кажется, собак можно достать в самом Беринговом проливе не только на Азиатском берегу, но и на Американском. На сей конец приказать отправить на компанейском судне «Елене» под командою лейтенанта Чистякова 100 пудов табаку и 100 пудов мелких вещей, на которые, как известно, жители тех стран охотно променивают свои излишества.

А дабы запастись кормом для собак, а равно и для заготовления рыбы и прочих съестных припасов для экипажа судна и для людей, назначенных в сию береговую Экспедицию, требуется, чтобы судно, которое Вы для сего предмета купите или на фрахт возьмете, пришло как можно скорее в Зунд Коцебу...»

Тут Матвей Иванович, лицо которого давно светилось удовольствием и восхищением, не выдержал и всплеснул руками:

— Каков старик! Каков старик, братцы!

И заходил по кабинету, размахивая письмом, ероша волосы, бормоча: «Подумайте только: ему же восьмой десяток. Что за светлая голова!»

Коцебу молчал. Он всей душой разделял восхищение Муравьева Румянцевым. Ему ли, Отто Коцебу, не ценить Николая Петровича! Но Коцебу знал и другое: многое в румянцевских планах подсказано Крузенштерном. Впрочем, не это занимало капитан-лейтенанта.

Слушая румянцевское послание,— он слушал с таким напряжением, что на скулах выступил пот,— Коцебу поочередно испытывал противоречивые чувства: радость, разочарование, смешанное с завистью, наконец, надежду.

Возобновить «покушения», начатые на «Рюрике»? Что ж, кроме радости, мог почувствовать Коцебу? Да, ну а дальше старик пишет, чтоб экспедицию поручили Хромченке с Этолиным. Разве ж не покажется обидным, что Николай Петрович не вспомнил о нем, о зачинателе поисков, об Отто Коцебу? Конечно, лейтенант Хромченко добрый мореходец. Но можно ли полагать, что ученик (а Василий у него на «Рюрике» в штурманских учениках хо-

дил) уже превзошел учителя? Достоинства морехода Адольфа Этолина он тоже оспаривать не станет. А все же...

Разум, однако, подсказал ему обстоятельство, которое рассеяло обиду: начало похода (увязывая его с действиями английского отряда Джона Франклина в Канаде) Румянцев назначал на 1826 или 1827 годы. Стало быть, на Коцебу он рассчитывать не мог. Раньше лета двадцать шестого года «Предприятие» в России не ждали.

И сразу же отлегло от сердца. А потом простое соображение вселило в него надежду принять все же участие в новом «покушении». Во-первых, Василий Степанович Хромченко не сможет отправиться вовремя: он еще в плавании; кстати, плавает он в Тихом океане на родном «Рюрике», давно проданном компании. Во-вторых, Адольфу Карловичу Этолину тем паче не успеть к сроку в Ново-Архангельск, ибо он совсем недавно ушел в Россию штурманом лазаревского «Крейсера». В-третьих, «Предприятие» может возвращаться в Кронштадт, ибо конвенция с американцами освобождает от необходимости прозябать в Ново-Архангельске. Смотришь, он и прискачет покамест железо горячо!

Все это промелькнуло в голове Коцебу гораздо скорее, нежели здесь описано. Между тем Матвей Иванович, все еще не успокаиваясь, теревил Чистякова:

— Все лето ходил, говоришь? Так, Петр Егорович?

— Кто?

— Да Крузенштерн,— досадливо объяснил Муравьев.— А директора что? Что Булдаков, Северин, Прокофьев?

— Они, Матвей Иванович, будто соглашаются. Да и как не согласиться...— лейтенант лукаво сузил глаза,— с одной стороны — слава России, а с другой — две трети денег-то граф Николай Петрович ссужает, а господам компанейским лишь треть приходится!

Коцебу слушал в пол-уха. Он опять стоял у окна. Пейзаж, открывающийся из крепости, казался ему прекрасным.

НЕУДАЧНИК ИЛИ СЧАСТЛИВЕЦ?

А потом охватила тревога: сколько уж раз он был накануне свершения своих надежд, и сколько раз счастье ускользало от него! Ускользало, оставляя горечь в душе и морщины на щеках.

Он гнал эту тревогу. Но она примешивалась ко всему — к незначащим разговорам в кают-компании, к сновидениям, к одиноким думам в капитанской каюте.

Ближе всего он был к свершению своих чаяний на «Рюрике». Потом еще весной 1823 года, когда получил назначение на «Предприятие» и сообщил Румянцеву, что решит, «есть ли возможность в Беринговом проливе обогнуть Ледяной мыс Кука, или нет». И дальше: «Сия мысль меня ныне так неотступно занимает, что почти ни о чем другом думать не могу. Я горю нетерпением быть уже в Севере, где от моих предприятий лишь одна смерть в состоянии меня удержать».

Смерть! Добро бы смерть удержала. А то ведь внезапная перемена начальственных распоряжений...

Костер был разметан дважды. Оставались лишь тлеющие угольки. Угольки в глубине сердца. И вот ветер новых известий раздул их. Пусть правительство не желает решать великий географический вопрос. Но есть на свете Румянцев! Пусть акционеры Российско-Американской компании не слишком-то одержимы жаждой научных подвигов. Но есть на свете Румянцев!

И все же тревога не оставляла его.

Так в тревоге и радости он покинул далекую крепость на острове Ситхе. Пришел на Гавай. Пересек Южное море. Доброе море, оно прощалось с ним дружески, прибавив еще несколько камушков в коралловое ожерелье открытых им островов. Он открыл острова Римского-Корсакова (Ронгелап) и Эшшольца (Бикини). Потом он плыл у берегов тропической Суматры и — в третий раз — над пучинами Индийского океана; потом перервал форштевнем невидимую ниточку меридиана острова Иль-де-Франс, останавливался у скал Св. Елены, где покоился прах Наполеона, а в июне английский лоцман привел его шлюп на портсмутский рейд. И на всех широтах, в поголивый день и в ненастную ночь, на крутой волне и в озерном спокойствии штиля, горел он тем нетерпением, кото-

рое испытывал весной 1817 и весной 1823-го. Теперь же было лето двадцать шестого...

В Портсмуте приехал на корабль секретарь российского посольства. Приехал он из Лондона с поручением от посла князя Ливена.

Поздравив Коцебу с благополучным завершением путешествия (из Англии до Кронштадта для такого моряка путь, мол, пустяковый), чиновник объявил офицерам о кончине императора Александра и передал капитану печатный текст присяги новому императору — Николаю Павловичу.

О «происшествии 14 декабря», о заточении «злодеев»-декабристов в Петропавловскую крепость дипломат умолчал. Посол, его светлость князь Христофор Андреевич, наказывал: «Кто знает, что за офицеры на этом корабле; ходят по всему свету, бог ведает каких мыслей набираются. Неспроста среди мятежников препорядочно флотских оказалось».

Впрочем, князь остерегался напрасно. На «Предприятии» в лучшем случае нашлись бы, верно, лишь такие, кто просто посочувствовал бы «братцам, впадшим в пагубное заблуждение». Не больше того...

Присяга была принята, молебен отслужен. Чиновник направился к ожидавшей его шлюпке.

— Вы не слышали? — сказал он капитану, задержавшись у трапа. — Государственный канцлер граф Николай Петрович Румянцев кончился. Да, да, представьте, в третий день нынешнего года. Прощайте, господин Коцебу!

И чиновник, поправив шляпу, довольный, что так быстро и хорошо исполнил поручение, спустился в шлюпку.

Коцебу, оцепенев, не двинулся с места. Потом, не глядя ни на кого, ушел в каюту и заперся.

Он лег на койку, заложил руку за голову и долго не мог собраться с мыслями. Не мигая, смотрел он на потолок каюты, а в ушах его все еще звучал равнодушный голос дипломатического чиновника.

Николай Петрович умер... Нет больше графа Николая Петровича!.. Коцебу не встречался с ним годами, да и переписывался не часто, но всегда чувствовал, что судьбы их связаны.

Вспомнился далекий день: молодой лейтенант прибыл с Белого моря в запорошенный снегом Петербург; Крузенштерн привел его в дом на Английской набережной и

представил графу Румянцеву будущего командира брига «Рюрик». Тогда-то и вошел в его судьбу этот человек с умными улыбочивыми глазами и ироническим очерком рта.

Когда же «Рюрик» ушел из Кронштадта и плыл, гонимый ветрами, под небом трех океанов, Николай Петрович тревожился, писал капитану теплые, почти родственные письма. И после возвращения «Рюрика», после окончания кругосветного похода Румянцев заботился о путешественниках. С каким удовольствием показывал граф послание к нему покойного ныне императора Александра, заверявшего, что он обратит особенное внимание на лейтенанта Коцебу и его спутников.

У графа была, думалось Отто Евстафьевичу, удивительная способность зажигать людей жаждой ученых подвигов. Настойчивость, настойчивость и еще раз настойчивость, любил повторять он. Не мне одному оплакивать его кончину. Каково-то Ивану Федоровичу? Да и у многих моряков больно стеснится сердце.

Коцебу все в той же позе, вытянувшись и заложив руку за голову, лежал на койке. Он слышал как подходили к кораблю какие-то портовые шлюпки, как старший лейтенант переговаривался в рупор с англичанами, слышал как сменились вахты, чувствовал, что ветер разводит на рейде сильную волну, но все это слышал и чувствовал машинально, механически, мысли его были далеки от корабля, от Портсмута...

Он вспоминал о своих встречах с Румянцевым, с горечью, всей душой ощущал тяжесть утраты. Но, как всякий человек, оплакивающий смерть другого человека, он невольно задумывался над тем, что же означает эта смерть для него, лично для него, для Отто Коцебу, капитана русского флота.

И он понимал, что для него смерть Румянцева означает крушение надежды продолжить дело «Рюрика»...

Ты можешь отчаиваться. Но даже если небо упадет на землю, ты остаешься командиром корабля. Тише, сердце! Ты шел океанами. Иди нынче в Кронштадт.

Капитан будто все тот же: высокий, тонкий в поясе, спокойно рассудительный. Только те, кто знает его много лет, такие, как доктор Эшшольц и Петр Прижимов, замечают погрузневший его шаг, желтизну запавших висков... Но он на шканцах, он командует, он ведет корабль. Тише, сердце!

И знакомой балтийской дорогой, отмерив последние сотни миль трехгодичного пути, в полуденный час июльского дня 1826 года, привел он шлюп на Большой кронштадтский рейд.

На рейде было тесно: он был заставлен кораблями, только что вернувшимися из практического плавания. На фрегате «Князь Владимир» вилял флаг командующего эскадрой старого адмирала Романа Васильевича Кроуна, слывшего во флоте самым добродушным человеком. В Купеческой гавани разгружались хлебные баржи. В порту снаряжали новых «кругосветников» — шлюпы «Сенявин» и «Моллер», и капитаны Федор Литке и Михаил Станюкович сбивались с ног от забот и хлопот, которые, как известно, не исчерпываются до тех пор, пока буксиры не вытянут судно из гавани на рейд. Несколько баркасов под дружные песни гребцов шли в Петергоф. На другой стороне залива, у ораниенбаумского берега лавировали яхты Российского яхт-клуба во главе со своим командором Александром Лобановым-Ростовским...

«Ну, здравствуй, Кронштадт», — подумал Коцебу, и, обернувшись к офицерам и ученым, столпившимся позади него, впервые после портсмутской стоянки улыбнулся:

— Поздравляю, господа!

Снял фуражку и устало вытер лоб платком. Третий круг Отто Евстафьевича Коцебу завершился.

* * *

В Кронштадте было оживленно и весело, как бывало всегда, когда на рейде стояла эскадра и многие офицеры и матросы после долгой отлучки съезжали на берег.

В Летнем саду, среди деревьев с загустевшей июльской зеленью, военный оркестр, сыграв старинный, екатерининских времен полонез Козловского, исполнял модные, любимые молодежью вальсы. На улицах, из растворенных окон слышались женский смех, мужские голоса, звон стаканов, гитарный перебор. За высоким дощатым забором, крашенным охрой, сочный басок, безбожно фальшивя, выводил что-то из алябьевской «Лунной ночи».

Вечер был хорош, пригожий балтийский вечер. Коцебу шел по Кронштадту неспешным шагом человека, исполнившего долг, заслужившего отдых. На душе его было

грустно и светло. До окончания расчетов за экспедицию на «Предприятии» он решил поселиться в Английском трактире. В том самом трактире, где больше десяти лет назад, молодым лейтенантом, отмечал он свой последний береговой день с «рюриковичами» — Глебом Шишмаревым, художником Хорисом, доктором Эшшольцем.

Хозяин трактира Томас, раздобревший, благообразный, встретил капитан-лейтенанта как старого знакомого. Капитану отвели большую комнату, уставленную потертой штофной мебелью.

Поднимаясь во второй этаж по скрипучей лестнице с резными дубовыми перильцами, Коцебу столкнулся с контр-адмиралом.

— Ба! — воскликнул адмирал. — Отто! Здравствуй, мой друг.

— Иван Федорович! Как я рад!

Они обнялись.

Крузенштерн приехал в Кронштадт из Петербурга (он служил теперь помощником директора Морского корпуса) посмотреть на сборы в кругосветный вояж «Сенявина»; на «Сенявине» уходил сын его Павел, восемнадцатилетний юнкер гвардейского экипажа.

Коцебу велел слуге подать ужин. Когда рюмки были налиты, Отто печально посмотрел на Ивана Федоровича, и тот, поняв этот взгляд, сдвинул брови:

— Осиротели мы, брат. Помянем графа Николая Петровича.

— Осиротели, Иван Федорович.

Они выпили, помолчали.

— А теперь скажи-ка, милый, как плавалось?

Коцебу коротко рассказал об открытиях в Южном море, о пребывании в Ново-Архангельске, о том, как с приходом чистяковской «Елены» зажглась в душе новая надежда...

— Неудачник я, Иван Федорович. Теперь-то, со смертью Николая Петровича, верно, все заглохнет.

— Думаю, Отто, что так и будет. Там... — Крузенштерн указал на потолок, разумея высшие сферы, — там экспедицию к Северо-западному проходу считают излишней, ненужной. А компания Российско-Американская без графа и пальцем не шевельнет. Деньги, как говорится, не голова — наживное дело. Вот деньги они-с наживают, а голову — никак.

Крузенштерн положил на рябчика ложку густой сметаны и продолжал:

— Кто знает, не будь того шторма, может, ты бы и обошел Ледяной мыс на «Рюрике»... Впрочем, неудачником зря себя мнишь. Путешественник, ступавший по землям, где до него ни единой европейской души не было, тот путешественник испытывает истинное счастье. Тебе же оно дано было. И не раз, мой милый, не гневи бога. Счастливец ты! Вот будешь в Петербурге, преподнесу подарок: первый том моего «Атласа Южного моря». В нем и твои открытия отмечены. Что ж до Севера... Знаешь ведь, у каждого свой крест. И у тебя свой...

И ласково усмехнувшись, добавил:

— Южный! Южный Крест. Под этим созвездием сделал ты знатные дела.

Коцебу смотрел на доброе, сильно постаревшее лицо своего флотского наставника. Легонько пристукнув ребром ножа о бокал и послушав тихий мелодичный звон хрусталя, он ответил, но не Крузенштерну, а самому себе:

— Да, мой крест — Южный... Южный Крест.

ХМУРЫЙ ЗАКАТ

Еще только сумерничало. Но он-то знал, что закат надвигается.

Словно с разбега, большого и многолетнего, продолжалась служба. Служба, но не служение. Он был моряком дальних походов. Он был искателем бурь. И нельзя сказать, что не находил их. Теперь же не было ни бурь, ни ослепительных гроз в тропиках, ни мучительного и сладостного ожидания возгласа марсового матроса, приметившего неизведанный берег.

Служба. Год за годом... Капитан второго ранга — офицер для особых поручений все при том же ревельском

адмирале Спиридове. Командир линейного корабля, кронштадтского флотского экипажа... Перевод в столичный гвардейский экипаж. Будто б почетное, лестное назначение. Но это уж — милость, снисхождение. Он только числится за экипажем. Ведь казармы на Екатерингофском проспекте опустели: моряки-гвардейцы под начальством открывателя Антарктиды Фаддея Беллинсгаузена пешим маршем ушли на юг, на войну с турками. Их уже разместили на боевых черноморских судах, и сам Беллинсгаузен поднял свой контр-адмиральский флаг на корабле «Пармен». А он? Почему же он не с ними? В официальном документе объяснено: «уволен в Ревель для излечения болезни».

О, эта хворь, закравшаяся в его грудь после памятного шторма, эта злодейка выпустила когти. Она не смела согнуть Коцебу, когда он стоял на палубе третьего кругосветного корабля. Она таилась, караулила. Теперь пришел ее черед. Но болезнь не спешила. Медленно и верно она рушила человека, обладавшего когда-то железным здоровьем.

Он, однако, не так-то легко сдавался. Он писал отчет о плавании шлюпа «Предприятие», писал книгу этнографических этюдов о Калифорнии, об островах Южного моря — осуждал колонизаторов, печалился о туземцах.

Морской отчет был издан в двадцать восьмом году, а книга два года спустя. И в тот же год, в феврале 1830-го, капитан первого ранга Отто Евстафьевич Коцебу был уволен из флота «по расстроенному здоровью».

Что ж, человека может загубить болезнь. Но книги... книги останутся. Останутся для мореходов и натуралистов, для географов и историков, для всех, чья мысль стремится перелететь плетень повседневных забот и познать дали Тихого океана, Южного моря.

* * *

Его закат был хмур и долог.

Он ушел из флота сорока двух лет. Человек с девизом «действовать!» обречен был на медленное угасание в дремотной тиши эстонского поместья. На шестнадцатилетнее угасание...

Он умирал в феврале. Ветер бушевал, выл, стучал ставнями. Отставной моряк лежал на спине, вытянув руки поверх одеяла; глаза его были закрыты. И тогда ему слышался голос Ивана Федоровича. Крузенштерн говорил о Южном Кресте. Умирающий улыбнулся углами губ: созвездие его счастливых лет, пять звезд, три ярких, а две рядышком — бледнее...

СОДЕРЖАНИЕ

	<i>Стр.</i>
Замысел	5
Отплытие	10
Южное море	14
Несбывшаяся надежда	22
Приключения Каду	28
Береговые годы	40
Третий круг	48
«Юрана» и «Айдара»	54
Далекая крепость	66
Неудачник или счастливец?	80
Хмурый закат	85

Юрий Владимирович Давыдов

ЮЖНЫЙ КРЕСТ

Редактор *С. Я. Проходцева*
 Художественный редактор *В. В. Щукина*
 Технический редактор *Д. А. Глейх*
 Корректор *П. И. Чивикина*

Т-10113. Сдано в производство 28/VI — 57 г. Подписано в печать 24/X — 57 г.
 Формат 84 × 108^{1/32}. Физических листов 2,75. Печатных листов 4,51. Издательских
 листов 4,41. Тираж 50.000 экз. Цена 1 р. 35 коп. Заказ 2683.

Москва В-71, Б. Калужская 15, Географгиз

Типография «Красный пролетарий» Госполитиздата Министерства культуры
 СССР. Москва, Краснопролетарская, 16.

1 p. 35 к.